ЭРИК ФОГЛЕР

И ПРЕСТУПЛЕНИЯ БЕЛОГО КОРОЛЯ

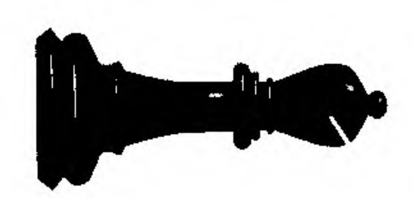
Перевод с испанского Евгении Мениковой

БЕАТРИС ОСЕС

Минск

УДК 821.511.141
ББК 84(4-Исп)-44
О72

Перевод с испанского выполнила *Евгения Меникова*
по изданию:
Beatriz Osés. Erik Vogler y los crímenes del rey blanco. — Edebé

Художник *Иван Барренетксеа*

Осес, Беатрис

О72 Эрик Фоглер и преступления белого короля / Беатрис Осес ; худ. И. Барренетксеа ; пер. с исп. Е. Мениковой. — Минск : Попурри, 2020. — 144 с.: ил.

ISBN 978-985-15-4393-5.

«Эрик Фоглер и преступления белого короля» — первая книга из детективной саги испанской писательницы Беатрис Осес. Эрик Фоглер — странный, раздражающе педантичный подросток, который живет в Бремене вдвоем с вечно занятым отцом. Еще у него есть дядя (о нем мы знаем лишь то, что он привозит племяннику подарки из дальних поездок) и бабушка, которая живет в другом городе и терпеть не может внука. Но Эрику придется провести с ней пасхальные каникулы, и именно тогда произойдет много таинственных и страшных событий...

Книги продолжают традиции черного романа с элементами мистики. Главный герой здесь — не следователь, а случайный свидетель, который вынужден стать детективом и сам становится жертвой.

Для старшего школьного возраста.

УДК 821.511.141
ББК 84(4-Исп)-44

ISBN 978-985-15-4393-5

Моему отцу

Содержание

Глава 1

Ошибка с билетом

Эрик Фоглер никак не ожидал, что вечером произойдет такое. Несколько часов он собирал вещи. Разложил носки из натуральной шерсти по цветам, пиджаки — по толщине ткани, брюки — с учетом того, как давно он их носит. Потом в одно из боковых отделений чемодана засунул дорожный набор для шитья и кожаный футляр, в котором лежало все необходимое для чистки обуви. На кровати дожидались своей очереди идеально свернутые ремни, несколько шелковых рубашек и сумочка с предметами гигиены. Несколько мгновений Эрик с гордостью осматривал результат своего труда. Потом принялся складывать только что отглаженные трусы — и тут в дверь его комнаты постучали.

— Эм... можно? — с запинкой проговорил отец, заглядывая в спальню.

— Да, входи, входи, — ответил Эрик, жестом приглашая его. — Я еще не закончил.

— Как дела? — робко произнес отец.

— Да уже немножко осталось. Но хотелось бы разложить рубашки в алфавитном порядке.

— В алфавитном порядке?

— Да, по фирме-производителю или по названию ткани. Не решил еще. Кстати, ты узнавал, какая завтра погода в Нью-Йорке?

— Вот об этом я хотел с тобой поговорить, сынок... Видишь ли, с этой поездкой вышло маленькое недоразумение.

— Что случилось? — спросил Эрик, застегивая одну из внутренних молний чемодана.

— Видишь ли... Ты ведь помнишь, я покупал билеты на самолет по интернету пару месяцев назад?

Эрик кивнул и сел в кресло. В тот вечер на нем была пижама в шотландскую клетку и тапочки в тон, привезенные дядей из поездки в Эдинбург. Юноша молча посмотрел на отца. Он не понимал, к чему тот клонит со своим вопросом. Франк Фоглер скрестил руки на груди, сглотнул слюну и немного помедлил. После чего откашлялся, вздохнул и продолжил:

— Ну... я ошибся с датой, когда покупал их, — выпалил он, глядя сыну прямо в глаза.

Не может быть! Это, видно, шутка такая, глупая и жестокая. Но Франк Фоглер лишь кивал в ответ на вопросительное выражение лица сына. И тогда юноша выронил кашемировый шарф, который держал в руках.

— Как так? — выдавил он из себя и почувствовал, что пульс его начинает учащаться.

— Я по ошибке купил их на прошлый месяц. Видимо, перепутал, когда выбирал дату, и только сегодня утром понял это, распечатывая их, — пояснил отец, закусив нижнюю губу: он всегда так делал, когда ему приходилось сообщать дурную новость.

— Не может быть, не может быть... — тихо твердил Эрик, пытаясь сохранять спокойствие.

— Я весь день искал другие билеты. Но нашел только одно свободное место на наш рейс, — жалобно проговорил Франк Фоглер.

— Я тебя не понимаю.

— Оставалось единственное свободное место, — повторил отец.

— И?

— И я купил на него билет себе, — стыдливо пробормотал отец.

— Ну ладно, ничего страшного, я могу полететь следующим рейсом, — предложил сын, стараясь не показывать своего отчаяния, — и мы встретимся в аэропорту Нью-Йорка, или я возьму такси и доеду до отеля. Наверняка есть какое-то решение.

— Нету, — перебил отец.

— ...Я сейчас же посмотрю в интернете расписание и поищу другой билет. Могу и туристическим классом полететь, если нужно, — добавил он, не теряя надежды.

— Эрик, ты не понимаешь, завтра начинаются каникулы, и, к несчастью, билеты на все рейсы проданы. Я уже много раз проверял: ни одного места не осталось. Слишком поздно. Боюсь, в этот раз ты не сможешь полететь со мной в Нью-Йорк.

— ...Но... что ты такое говоришь? — спросил Эрик растерянно и вскочил с кресла, словно подброшенный пружиной.

— Не переживай, сынок, будет еще возможность, обещаю тебе, — попытался утешить его отец. — Мне очень жаль.

— Я так и знал!!! Я тебе говорил!!! — завопил Эрик. — Их должен был покупать я-я-я! Я уже ВСЕ рассчитал, папа, я в своем ежедневнике записал уже все возможные маршруты прогулок по городу, перечень ресторанов и музеев, рекомендованных к посещению, я на память знаю главные станции

нью-йоркского метро... И вот, смотри! — он в ярости стал разворачивать у отца перед носом что-то вроде туристической карты. — Я также пронумеровал все городские памятники по дате возведения, чтобы упорядочить их осмотр. Я все спланировал до миллиметра! А теперь что будет, а? Ты можешь мне сказать? Чем прикажешь заняться на пасхальных каникулах? Оставишь меня одного тут, в Бремене?

— Нет. Поедешь к бабушке, — ответил отец.

— Ты серьезно?

— Отправишься в Грасберг до моего возвращения, — решительно проговорил Франк Фоглер.

И тогда Эрик, не выпуская из рук карту Нью-Йорка, над которой так долго работал, рухнул без сознания прямо на арабский ковер — подарок дяди из поездки в Марокко. Очнувшись посреди ночи, он обнаружил, что лежит в своей кровати, под пуховым одеялом, весь в холодном поту; сердце его разрывалось на части. Было четыре часа утра, и уснуть ему больше до рассвета так и не удалось.

Глава 2

Далеко-далеко от Нью-Йорка

Когда Эрик садился в машину отца, чтобы вместо Нью-Йорка ехать к бабушке, он уже знал, что для него начался сущий кошмар. Франк Фоглер наблюдал за ним краем глаза в зеркало заднего вида. Темные и блестящие волосы юноши были уложены гелем, на косой пробор. Между отцом и сыном царила полнейшая тишина, ее нарушал лишь стук капель дождя по стеклам машины. Они выехали из города очень рано.

Время от времени Франк замечал на себе вызывающий взгляд сына и испытывал чувство вины. Он знал, что Эрик не скоро его простит. Поэтому, чтобы отвлечься от этих мыслей, стал переключать радиостанции и слушать новости того апрельского утра.

«Найдена мертвой девушка, пропавшая на прошлой неделе в Северном районе Бремена, — сообщал мужской голос. — Труп обнаружен менее часа назад в парке в пригороде Гамбурга. На данный момент у полиции нет подозреваемого в совершении преступления. Дело расследует инспектор Гербер, не пожелавший делать никаких заявлений относительно слухов о том, что данное убийство связано с убийствами двух других молодых людей, пропавших в Бремене в последние месяцы».

Эрику стало не по себе, он заворочался в кресле.

— Ты не можешь что-нибудь другое включить? — недовольно сказал он, хмурясь и глядя в окно.

Отец стал искать радиостанцию классической музыки. Дождь лил еще сильнее. Под звуки Шестой симфонии Бетховена они, наконец, выехали из города и двинулись по шоссе, которое должно было привести их в Грасберг — деревню, где жила бабушка Эрика.

Берта Фоглер считала внука невыносимым. Она не раз пыталась с ним поладить, но это было выше ее сил. Она не могла вытерпеть его причуд, его одержимости чистотой, этот его тон всезнайки, жеманную манеру сморкаться, которая была у него с раннего детства. Поэтому, когда сын Франк позвонил ей накануне вечером и объявил, что Эрик останется у нее до конца Страстной недели, ее бросило в жар. Ей пришлось приложить руку к груди, чтоб сердце не выскочило. Она начала делать глубокие вдохи, силясь успокоиться, прежде чем ответить.

— Но, сынок, ты же знаешь, что у меня не слишком хорошо получается о нем заботиться, кроме того, он уже так давно меня не навещал.

— Да, да...

— Не думаю, что это хорошая идея, — отговаривалась она, в изнеможении падая на пыльный диван.

— Вот именно поэтому, мама, именно поэтому! Теперь у вас есть возможность получше узнать друг друга.

— Ты разве не помнишь, что случилось в прошлый раз, когда он приезжал ко мне?

На другом конце трубки воцарилось молчание.

— А мы провели вместе всего один день! Теперь представь, что будет за неделю!

— Ну, с тех пор прошло почти три года, и Эрик сильно переменился, мама...

— Не пытайся меня обмануть!.. Уверена, он все такой же несносный.

— Пожалуйста, пожалуйста, — умолял ее Франк Фоглер, схватившись за телефонный шнур и стараясь говорить как можно тише, — ты же знаешь, я не стал бы тебя просить, если б не крайняя необходимость. Я ошибся при покупке билетов и теперь не знаю, что делать.

— Я не готова брать его на себя, сынок.

— Пожалуйста!

— Ну нет же, нет...

— Я в отчаянии, — взмолился он.

— А ты не можешь нанять кого-то присмотреть за ним?

— У меня нет времени, мама! Послушай, я вернусь в Бремен в следующую субботу вечером и приеду за ним в Грасберг в воскресенье, клянусь. Это всего лишь неделя — вот увидишь, время пролетит незаметно! — уверял Франк Фоглер, стараясь, чтоб слова его звучали убедительно.

— ...Ну хорошо. Но за тобой должок, и весьма серьезный.

«Неделю с бабушкой, неделю...» — цедил Эрик сквозь зубы. То есть семь дней, сто шестьдесят восемь часов, десять тысяч восемьдесят минут и шестьсот четыре тысячи восемьсот секунд. «Я не вынесу!» — говорил он тихо, не отводя глаз от окна автомобиля. А отец тем временем будет находиться где-то наверху Эмпайр-стейт-билдинг, или гулять по авеню с небоскребами, или смотреть мюзикл на Бродвее. Жизнь несправедлива, чудовищно

несправедлива. По крайней мере, так думал юноша в то утро.

Беспрестанно прокручивая в мыслях свою беду, он едва заметил, что дождь прекратился. Он также не обратил внимания на то, что отец выключил музыку и снова слушал новостную радиостанцию, где постоянно обсуждали убийство Зандры Падель. Тем более, не видел он указателя, сообщавшего о том, что они прибыли в Грасберг, и не рассматривал улочек, по которым они, подпрыгивая на ухабах, ехали.

Глаза его были полны слез ярости и бессилия. Ему недавно исполнилось пятнадцать, он думал о своей карте нью-йоркских памятников, о том, как долго готовился к поездке. А потом вдруг ко всем этим образам прибавилось лицо бабушки, ее белая грива, развевающаяся на ветру, и невольно мурашки побежали у него по спине.

— Мы уже приехали! Можешь выходить из машины! — внезапно объявил отец, паркуясь у старого дома.

Эрик с неохотой открыл дверь и вышел. ПЛЮХ! И тут же ступил в глубокую лужу посреди улицы.

— Мои «Ломбартини»! — воскликнул он в ужасе, вставая на цыпочки, чтобы как можно меньше намочить ботинки.

В этот момент черная кошка выбежала с противоположного тротуара и подскочила к нему. Приблизившись к Эрику, она посмотрела на него своими большими желтыми глазами и угрожающе мяукнула.

Глава 3

На балконе

Дома, оставшись наедине, Эрик и Берта молча глядели друг на друга. Они стояли в гостиной. Он сжимал ручку своего огромного чемодана. Она держала перед собой одеяло в оранжевую и розовую полоску, покрытое катышками.

— Итак, — начала бабушка, — я приготовила для тебя одну из комнат на верхнем этаже. В Грасберге сейчас довольно холодно, так что одеяла не помешают. Как проголодаешься — можешь спускаться к завтраку. Если тебе нужно что-то еще...

— Нет, спасибо, — соврал Эрик.

О да, ему нужно было что-то еще! Ему хотелось знать, какого дьявола он делает в этом доме, каким образом Нью-Йорк вдруг превратился в недостижимую мечту и почему волосы бабушки похожи на огромный моток шерсти, в котором с одинаковым успехом можно спрятать как вилку, так и садовые грабли.

Берта проводила внука до самой комнаты по длинной деревянной лестнице, ступеньки которой непрерывно скрипели, как будто вот-вот готовы были сломаться под тяжестью шагов. На каждой площадке юноша останавливался перевести дух и собраться с силами, чтобы вновь тащить свой чемодан.

Потом они пошли по длинному узкому полутемному коридору — в самую дальнюю часть дома.

— Надеюсь, комната тебе понравится. Можешь убрать одежду в шкаф вон там, в глубине: я тебе оставила несколько свободных вешалок. Я буду внизу, у меня дела в подвале, но если тебе что-то понадобится — ну ты знаешь, — и она ушла, вручив ему одеяло в полоску и открыв перед ним дверь его новой спальни.

— ...Хорошо, — пробормотал внук и застыл на пороге, не отваживаясь войти.

Когда, наконец, он заглянул в комнату, бабушка уже исчезла где-то на нижних ступеньках, и он остался совершенно один. Увидев, в каком состоянии находится спальня, Эрик выпучил глаза от ужаса. Быстро-быстро он вытащил из кармана брюк «Пассион» платок с вышитыми на нем инициалами и поднес его ко рту. В комнате пахло сыростью, а под кроватью как будто что-то ворочалось. Он отложил в сторону свой кожаный чемодан и одеяло в полоску. После чего схватил стоявшую за дверью вешалку, чтобы воспользоваться ею как копьем. Потихоньку, очень осторожно, юноша шел по направлению к кровати. Руки начинали потеть.

По мере того, как он продвигался, сердце билось все чаще. Доски скрипели под мокрыми «Ломбартини». Он наклонил палку к полу, почти касаясь его. Повозил ею во все стороны под кроватью, словно собирался выудить оттуда рыбу с жуткими челюстями. Кажется, внизу ничего не было. Он медленно, неуверенно стал вытаскивать палку, поднял ее на высоту глаз.

«Что за черт?..» — подумал он.

На конце импровизированного копья обнаружилась огромная куча какого-то коричневого пуха, вероятно, еще более древнего, чем сам дом. Она болталась там, словно водоросли из темных морей. На комоде из черного дерева сидело чучело филина, раскрыв крылья и вызывающе уставившись на него своими стеклянными глазами.

Эрик тут же выпустил из рук вешалку и изо всех сил прижал ко рту платок, сдерживая рвотные позывы. Потом он побежал к одному из балконных окон и открыл его так быстро, как только смог. Холодный воздух оживил его.

«Как я и опасался, придется провести дезинфекцию!» — сказал он себе, оглядывая комнату. Хорошо, что он привез с собой в чемодане «Шантель» набор для уборки, предназначенный для безнадежных ситуаций — а эта, несомненно, таковой и являлась.

Не медля больше ни секунды, он достал резиновые перчатки и маску и несколько часов подряд занимался уборкой. Как и предполагала бабушка, на кухню он спустился лишь за шваброй и совком. Проходя мимо стола, юноша увидел на тарелке какие-то круглые галеты. На мгновение остановился. Ему хотелось есть. «Лучше не пробовать их», — подумал он. В последний раз при попытке откусить кусочек галеты, испеченной бабушкой, он лишился зуба. Пришлось обращаться к дантисту и ставить имплант. Так что он прошел мимо и вернулся к себе в спальню.

Закончив с уборкой и разобрав чемодан, Эрик решил принять душ. Заглянув в зеркало в ванной, он убедился в том, что хотя бы прическа его оставалась безупречной. Он сбрызнул себя одеколоном и переоделся. Потом, наконец, вернулся в свою комнату, открыл шкаф и удостоверился, что все в полном

порядке. Тогда молодой человек решил спуститься вниз, к бабушке.

Шагая по лестнице, он услышал, как Берта Фоглер напевает, хлопоча возле стола в гостиной. Она как раз ставила на стол две большие тарелки с едой.

— Что у нас на обед? — спросил Эрик, осторожно подходя к одному из стульев.

— Нутовый суп с капустой, морковью и картошкой. Понюхай, как прекрасно пахнет! — ответила бабушка с воодушевлением, поднося кастрюлю к его носу.

Юноша попытался отодвинуться, но слишком поздно: от вареных овощей исходила настолько сильная вонь, что он начал терять сознание. Берта тем временем помешивала варево половником, хотя суп выглядел железобетонным. Запах капусты — последнее, что уловил юноша, прежде чем упасть в обморок.

Вскоре он очнулся на диване в гостиной. Юноша плохо понимал, где находится. На коленях у него лежало одеяло в оранжевых и розовых катышках. Он нехотя согласился принять от бабушки стакан горячего молока и с неловкой улыбкой отказался от галет, которыми она его угощала.

Казалось, этот день будет длиться вечно. Очередной пыткой стал ужин. Бабушка почти не разговаривала. Телевизор не работал с тех пор, как много лет назад в антенну на крыше ударила молния. Эрик страстно желал, чтоб поскорей настал момент, когда можно будет лечь спать. Залезая в постель, он с тоской вспомнил свое пуховое одеяло и эргономичную подушку, привезенную дядей из поездки в Швецию. Одна только мысль облегчала его страдания:

«До возвращения в Бремен осталось на день меньше». И он ухватился за нее, подавив тяжелый вздох.

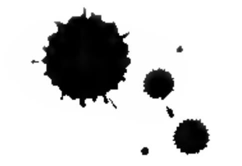
В ту ночь лунный свет проникал в комнату через балконные окна, рисуя на стенах тревожные тени. Одной из самых жутких была тень от огромного чучела филина. Эрику казалось, что птица вот-вот набросится на него и без сожаления выклюет ему печень. Он натянул одеяло по самую шею. Потом поразмыслил — и накрылся им до подбородка.

Лежа в кровати, он слышал, как ветер шумит на тротуарах и среди ветвей деревьев, бьет в оконные стекла и сквозит в дверных щелях. В то же самое время пол в коридоре трещал под шагами Берты Фоглер и по всему дому неторопливо грызли дерево жуки-древоточцы.

И вот тогда, испуганный, дрожащий, он почувствовал, что кто-то смотрит на него с балкона. Белые пальцы, почти невидимые, настойчиво стучали в стекло: «ТУК-ТУК». Он старался не смотреть в ту сторону. Крепко зажмурился. Быть может, ему уже снится кошмарный сон. Через несколько секунд, которые показались ему бесконечными, он медленно открыл глаза. И опять услышал легкий стук в окно.

Очень неторопливо Эрик повернул шею. Он едва мог дышать. За балконным стеклом он увидел девушку чуть постарше его самого. Она висела в воздухе и светилась в темноте. У нее были длинные волнистые волосы. Ночной ветер развевал их, спутывая. На протяжении нескольких секунд Эрику удалось разглядеть ее лицо. У незнакомки были огромные глаза без век, и она пристально смотрела на Эрика...

Глава 4

Фотография в газете

Эрик замер, натянув одеяло на самый нос, созерцая видение, маячившее за окном. Он ничего не чувствовал, даже собственных пальцев, которыми вцепился в простыню, и потому ему показалось, будто кровь застыла у него в жилах. Если б в этот момент юноша мог посмотреть в зеркало, то увидел бы, что сам он так же бледен, как девушка, молча смотревшая на него через окно комнаты. Силуэт незнакомки оставался на балконе еще несколько секунд, а потом внезапно растворился в воздухе.

Через час молодой человек снова обрел способность двигаться. Сначала приподнял мизинец правой руки, сумел оторвать его от простыни. Потом проделал то же самое с другими пальцами. Он продолжал лежать все в том же положении, словно мертвец в своей могиле, и не мог унять дрожь в руках и ногах. Лоб его покрылся холодным потом. Юноша ощупал свои штаны. Подумал, что едва не обмочился. За балконным окном виднелся лишь старый дуб, и луна вдалеке четко вырисовывалась на фоне ночной черноты. Ветер по-прежнему неистово дул, а на ферме господина Леманна яростно лаяли собаки.

На следующее утро, пока Эрик надевал свои атласные тапочки, Берта Фоглер, обернув шею красным шарфом, который она сама связала зимой, села на

велосипед и отправилась покупать газету. Начал накрапывать дождик, спутанные волосы бабушки наэлектризовались от капель и еще больше обычного увеличились в объеме. На обратном пути дождь усилился. Кончик носа у нее покраснел от холода, она с силой сжимала руль, объезжая многочисленные лужи.

В ванной внук рассматривал в зеркало свои круги под глазами. Вид как у трупа. Потом он взял флакон с гелем для укладки и легонько нажал. Положив небольшое количество геля на волосы, он начал свой ежеутренний ритуал. Спускаясь по лестнице, Эрик услышал, как щелкает замок входной двери. В дом стремительно вошла бабушка, пряча под пальто газету; в руке она сжимала сумку со сладостями и свежими булочками. Дождь барабанил по оконным стеклам гостиной.

— Как спа... — начала было она, но осеклась: ей достаточно было увидеть круги под глазами юноши.

«Матерь Божья, у него лицо, как у покойника!» — подумала Берта Фоглер, снимая пальто и вешая его на вешалку.

— По правде говоря, не очень хорошо. Полагаю, кровать немного непривычная, — пояснил он.

— Ладно, не переживай, ничего. Сегодня ночью ты наверняка освоишься в своей новой комнате, вот увидишь. Послушай, — добавила она, чтобы сменить тему, — я принесла тебе булочки, можно намазать их маслом, или, если хочешь, вот парочка сливовых пирожных. Поможешь мне приготовить завтрак?

Берта Фоглер и ее внук отправились на кухню. Бабушка стала разогревать молоко в металлическом ковшике. А он расставлял чашки на круглом столе. Они

искоса поглядывали друг на друга. Бабушка знала, что Эрик тайком, под скатертью, протирает ложки своим шелковым платком. Он также проверял срок годности молока, масла и джема по мере того, как Берта доставала их из холодильника.

Когда они сели завтракать, бабушка по привычке развернула на столе газету. Она была сложена, и на первой странице расплылись несколько капель дождя. «Найден труп девушки, пропавшей в Бремене!» — гласил один из заголовков. Эрик с любопытством склонился над газетой. Всю неделю по телевизору передавали новости об ее исчезновении. А накануне, пока они с отцом ехали в Грасберг, по радио в машине сообщили об обнаружении тела в пригороде Гамбурга.

Трагическое известие сопровождалось черно-белой фотографией. В этот самый момент Берта Фоглер взяла газету в руки. Решительно развернув ее, бабушка скрылась за страницами. Немецкая газета разделяла их, словно преграда. Эрику пришлось нагнуть голову набок и придвинуться как можно ближе, чтоб хорошенько рассмотреть фотографию убитой девушки. Он прищурился, стараясь сконцентрироваться на этом нечетком черно-белом изображении. И почувствовал ком в горле. Невероятно...

— Хочешь еще молока? — вдруг спросила бабушка, опуская газету.

— ...Э-э, нет, спасибо.

Внук улыбнулся и стал с нетерпением ждать, пока Берта опять поднимет перед ним первую страницу со статьей об убийстве. Бабушка вновь исчезла за газетными листами. А он впился взглядом в фотографию. На ней было то самое лицо, которое он видел ночью

парящим над балконом спальни. Никаких сомнений. Это она, девушка с длинными волнистыми волосами, молча стучала в окно его комнаты. Но только на фото в газете она была в шерстяной шапке, частично скрывавшей волосы, в голубом свитере с высоким воротом и улыбалась.

Глава 5

Призрак преследует по пятам

Эрику Фоглеру пришлось подождать, пока бабушка закончит листать газету, чтобы добраться до интересовавшей его заметки. Он стал проглядывать внутренние страницы, пока не нашел раздел происшествий. Согнувшись над кухонным столом, юноша стал читать предельно внимательно: «Зандрс Надель было пятнадцать лет. Эта застенчивая девушка жила с родителями в Бремене и училась в школе в Северном районе. Неделю назад она пропала из дому, и никто ее больше не видел, до тех пор, пока вчера ее труп не был обнаружен в парке в пригороде Гамбурга. Ей нанесли множество ударов ножом, предварительно связав руки веревкой и засунув в рот кляп...»

«А через несколько часов, — подумал Эрик, — призрак этой девушки объявился в Грасберге, висел в воздухе над балконом бабушкиного дома. Но почему именно там?» — спрашивал он себя, вновь разглядывая фото девушки. Они не были знакомы с Зандрой Надель. По этому поводу — ни малейших сомнений. Они никогда не пересекались в Бремене, хоть и жили оба в Северном районе. Учились в разных школах, общих знакомых не было. Тогда почему он видел ее прошлой ночью? Почему она явилась именно к нему? Этот вопрос он вновь и вновь задавал себе, не отрывая взгляда от газеты. Когда Берта

Фоглер спустя некоторое время вернулась на кухню, он по-прежнему сидел там с задумчивым видом.

— Бабушка, — сказал он вдруг, — ты знаешь эту девушку? — спросил он, указывая пальцем на фотографию на первой странице.

— В жизни ни разу не видела. Хотя я прочла в газете, что она жила в Бремене...

— Да, она жила там. А ты не помнишь, может, она появлялась тут? В конце концов, Грасберг не так уж далеко...

Берта помолчала и взяла в руки газету. Она поджала губы и отрицательно покачала головой.

— Нет, не помню, чтоб я ее раньше видела. Кроме того, ее имя мне тоже ни о чем не говорит, а если б у нее был родственник здесь, в деревне, я была бы в курсе. Уверена, кто-нибудь из соседей обсуждал бы со мной ее исчезновение. Я не слышала, чтоб ее тут кто-то знал... А почему ты спрашиваешь?

— Да нет... ничего, просто лицо ее мне кажется знакомым, только поэтому... Кстати, ты не знаешь, где в Грасберге можно выйти в интернет?

— Думаю, в таверне Вернера, на площади. Помнишь, как туда идти?

— Да, да... К обеду вернусь.

Юноша поднялся в спальню, достал из чемодана маленький ноутбук и зонт. А перед выходом на улицу надел непромокаемый плащ. По-прежнему лил сильный дождь, неприятный ветер бил в лицо. Поэтому Эрик весь съежился, крепко держась за ручку зонта, спрятал ноутбук под плащом и ускорил шаг. К несчастью, в Грасберг он взял с собой только кожаные ботинки «Ломбартини», и они вскоре стали промокать. Войдя в таверну, он ощутил поток теплого воздуха,

смешанный с запахом пива и пирогов с мясом. Коренастый официант за барной стойкой подошел к нему поближе.

— Добрый день. Бутылку минеральной воды без газа, комнатной температуры, пожалуйста, — попросил Эрик, усаживаясь на деревянный табурет.

Официант едва заметно улыбнулся.

— Я могу выйти в интернет со своего ноутбука? Бабушка сказала, что здесь есть сеть...

— А кто твоя бабушка, можно узнать?

— Берта Фоглер.

— Вот как... так ты внук Берты. Ну конечно, можешь подключиться! Погоди минутку, я тебе скажу пароль.

Эрик с пользой провел оставшееся до обеда время. Он вошел в электронную почту, увидел там пару писем от отца, где тот сообщал, что благополучно добрался, а в Нью-Йорке стоит ужасная погода. Юноша надеялся, что так и будет, но утешения это не принесло, ведь он долгие месяцы мечтал о путешествии. Отец также спрашивал, как дела у бабушки и как он проводит время в Грасберге. Во втором письме он прислал несколько фотографий города и одну из номера в отеле. Изображения были слегка не в фокусе, так как отец не слишком разбирался в настройках цифровой камеры, которую себе купил, и никогда не читал руководства пользователя и инструкции. Эрик ответил кратко: «У меня все хорошо. Идет сильный дождь. Не забудь привезти брюки, что я у тебя просил. Сохрани для меня буклеты музеев и достопримечательностей, которые будешь осматривать».

Потом он стал искать в интернете всевозможную информацию о Зандре Надель. Нашел упоминания

о ней в многочисленных газетных публикациях, радио- и телевизионных программах. Разыскал ее в соцсетях, однако у него не получилось открыть ее профиль. Добыв все данные, какие смог, он, разочарованный, покинул таверну. Ему не удалось обнаружить между нею и собой никакой связи.

Весь день он слушал музыку на телефоне и из комнаты выходил разве что в туалет. С трудом съел тарелку фасоли, которую бабушка приготовила к его приходу. Много часов подряд он просидел в комнате, страдая от газов и стараясь скрыть их при помощи диванной подушки. В довершение всех бед, под вечер разыгралась гроза и они остались без электричества. Во время ужина при свечах, горевших в серебряном подсвечнике, внук по-прежнему ощущал бурление в животе. Поэтому, сославшись на сильную усталость, он вернулся в свою комнату. Но перед тем, как лечь спать, решил принять душ.

В ванную надо было идти через весь коридор. Эрик Фоглер взял полотенце, сумочку с гигиеническими принадлежностями и желтую свечу, которую дала ему бабушка. Он вышел из комнаты: перед ним простирался узкий и темный туннель. С такого расстояния невозможно было рассмотреть дверь ванной. В своих клетчатых тапочках он начал медленно и очень осторожно продвигаться вперед. Деревянный пол скрипел под его ногами, пламя свечи, которую он сжимал в руке, колебалось из стороны в сторону. В его свете лицо юноши походило на лицо призрака: по нему пробегали тени, ярко выделялись круги под глазами, скулы выглядели бледными и нездоровыми. А Берта тем временем уже легла и сладко храпела на своем шерстяном матрасе.

Внук же продолжал двигаться по бесконечному коридору, в холоде и тьме, охваченный сильным и необъяснимым страхом. Вдруг порыв ледяного ветра погасил пламя свечи, которую он держал.

— Я ничего не вижу! — воскликнул он в ужасе.

Действительно, мрак обступал его со всех сторон. И, к несчастью, у него не было даже спичек, чтобы снова зажечь свечу. Он замер без движения. Ему показалось, что за спиной он слышит какой-то шум.

— Бабушка, это ты? — пробормотал он, не осмеливаясь шевельнуть ни единым мускулом.

Никто не ответил.

Сердце его забилось быстрее. Очень медленно обернувшись, юноша краем глаза поглядел через правое плечо. И тут он увидел беловатое свечение. Странный, нереальный свет исходил от силуэта убитой девушки. Она парила в воздухе совсем рядом с ним, их разделяло не больше метра. Эрик Фоглер почувствовал, как у него подкашиваются ноги. А потом лицо девушки склонилось над ним, приблизилось, почти касаясь его лица, и внезапно превратилось в череп.

— А-а-а-а-а! — Эрик судорожно замахал руками и бросился бежать по коридору, как безумный. На ощупь открыл дверь какой-то комнаты. Что-то коснулось его лица, когда он переступал порог. Он не прекращал кричать. Его вопли разбудили бабушку, она тут же вскочила.

Некоторое время спустя Берта Фоглер обнаружила его сидящим на корточках в углу комнаты, где уже очень долго никто не убирался. На нем была паутина, взгляд его блуждал. Бабушка несколько раз провела свечой перед его лицом. Но внук не реагировал.

Тогда она помогла ему подняться и проводила до спальни. По дороге они споткнулись о сумочку с гигиеническими принадлежностями, банное полотенце и огромную свечу: она покатилась в сторону, когда бабушка нечаянно пнула ее.

Глава 6

Шахматная фигура

На следующее утро Эрик Фоглер проснулся весь разбитый. Влажный озноб пробирал его до костей. Бабушка принесла ему в постель большую чашку молока и грелку. Она также подложила ему под спину пару диванных подушек, чтобы он мог сесть в кровати, и плед из розовой шерсти — накинуть на плечи.

— Вот посмотрим, может, так ты разом согреешься!.. Ты очень бледный, ни кровиночки, похож на восковую куклу. Дай-ка мне на минутку руку... Надо же, сердце еле бьется! — воскликнула она, прощупав слабый пульс на запястье внука.

— Я умру? — прошептал Эрик трагически.

— «Я умру? Я умру?» — передразнила бабушка. — Как мало в тебе присутствия духа, мальчик мой!.. Пей молоко, пока пенкой не покрылось... Но сначала положи в ноги эту грелку, чтоб согреться побыстрей.

— Ай, она горячущая!

Бабушка смиренно вздохнула. Подала ему чашку с завтраком. На молоке образовалась толстая пенка. Эрик занялся тем, что стал сдвигать ее в сторону ложечкой. Несмотря на его усилия, некоторые куски пенки остались плавать в чашке...

— Бу-э-э! — он почувствовал рвотные позывы, заметив, что немного пенки прилипло к язычку мягкого

нёба. — Ненавижу коровье молоко!.. В Бремене я пил только соевое, овсяное или рисовое.

«Да уж, сильно он изменился за эти три года... — про себя сказала бабушка, вспоминая слова своего сына Франка. — Ну и рожу корчит!»

Молодой человек, не посвященный в ее мысли, продолжал возмущаться: он вернул чашку на поднос и пожаловался, что в матрасе что-то впивается ему в спину.

— Господи, как же мне хочется, чтоб твой отец поскорей тебя забрал!!! — воскликнула бабушка и, выходя из спальни, оглушительно хлопнула дверью.

Потрясенный возгласом Берты, юноша некоторое время не двигался. Он был уверен: в матрасе есть нечто постороннее. Стал шарить рукой и, наконец, нащупал небольшой предмет. Эрик вытащил его наружу и стал удивленно разглядывать.

«Интересно, что она тут делает?» — подумал он в замешательстве.

Это оказалась шахматная фигура, а именно — белый король. Она была вырезана из дерева и выглядела старинной.

Резким движением Эрик скинул с плеч розовый плед и встал с постели. Молоко он отнес в ванную и вылил в унитаз, прямо пока мочился. Одевшись, он отправился разыскивать Берту. Юноша обнаружил ее в кухне. Она яростно драила столовые приборы: покрывала их густым слоем пены и швыряла сбоку от раковины.

— Прости, бабушка. Мне очень жаль. Я... я выпил все молоко, можешь проверить, если хочешь... — сказал он примирительно, показывая ей пустую чашку.

Она не ответила. По-прежнему стоя к нему спиной, она старательно и неистово двигала руками, выставляя назад локти, как игрок в регби.

— Видишь ли, я... я нашел нечто очень странное в своем матрасе...

Эрик не знал, с чего начать: Берта продолжала не обращать на него внимания и выглядела разгневанной.

— Смотри: шахматная фигура! — воскликнул юноша, осторожно приближаясь к ней.

И тогда бабушка швырнула вилку в груду столовых приборов и застыла. Она слегка повернула голову влево и искоса посмотрела на предмет, который ее внук держал в руке.

— Белый король. Это твой? — спросил Эрик, протягивая ей шахматную фигуру.

Берта вытерла руки тряпкой. Потом молча схватила белого короля. Несколько мгновений рассматривала его. Затем, так же молча, с таинственным видом двинулась в гостиную. Внук следовал за ней по пятам, не осмеливаясь произнести ни слова, чтоб не побеспокоить ее и не отвлечь. Бабушка открыла шкафчик со стеклянными дверцами и стала рассматривать шахматную доску. Пешки, ладьи, ферзи, кони...

Все фигуры стояли, где полагается, — все, кроме одной. Место белого короля было пусто. Нахмурив брови, Берта Фоглер вернула его на доску. Бабушка и внук молча смотрели друг на друга. Оба думали об одном и том же. Как эта фигура попала в кровать? Какой смысл было ей находиться там? И... кто положил ее под одеяло?

В то же самое утро, после загадочного обнаружения белого короля в своей постели, Эрик Фоглер

вернулся в таверну Вернера. Подошел к барной стойке и заказал:

— Мне как всегда.

Официант подал ему минеральную воду без газа комнатной температуры. После чего молодой человек устроился на одном из табуретов и открыл свой ноутбук. И начал поиски в интернете. Снова просмотрел газетные заметки, послушал кое-какие радиопередачи и наконец зашел на Youtube, чтобы найти там видео, которые смотрел накануне.

В одном из роликов несколько полицейских разыскивали улики в гамбургском парке.

«Это не тот...» — подумал он.

В следующем выступали родители жертвы.

«Тоже не то», — сказал он про себя.

Он кликнул на третий ролик, где девушка из Бремена, с трудом выговаривая слова, тщетно пыталась унять волнение. Эрик склонился над экраном компьютера и стал внимательно слушать то, что она рассказывала дрожащим голосом.

— Зандра была одной из моих лучших подруг. Мы вместе учились в школе, я была с ней в день, когда она исчезла. Мы пошли в шахматный клуб, как всегда по понедельникам. На выходе из него мы простились — и больше я ее никогда не видела.

Глава 7

Пластинка Шуберта

По пути домой Эрик вспоминал слова подруги убитой девушки: «Мы пошли в шахматный клуб, как всегда по понедельникам. На выходе из него мы простились — и больше я ее никогда не видела». Он выяснил, что Зандра Надель играла в шахматы в день своего исчезновения. И юноша был уверен, что именно ее призрак подбросил фигуру короля в его постель. Но он понятия не имел, что она хотела этим сказать.

Когда он добрался до дома, Берта уже приготовила еду и ждала его в гостиной. Некоторое время они почти не говорили. Бабушка молча наслаждалась тушеным мясом. Эрик вилкой выбирал кусочки, на которых не было лука, отодвигал в сторону сморщенный горох и избегал морковки, имевшей подозрительный цвет.

— Я пойду прогуляюсь, но скоро вернусь. Хочу купить пасхальных яиц, и еще у меня есть кое-какие дела, — внезапно выдала Берта Фоглер, допивая вино в бокале. — Не думаю, что приду поздно.

— Не знаю, о чем ты, бабушка... — ответил он, глядя на нее с вызовом.

— Я вот о чем, — парировала бабушка и передразнивая внука, приподняв мизинец руки, в которой держала вилку, — о твоих неожиданных обмороках и панических атаках среди ночи, например... Что тебя

так напугало, когда я обнаружила тебя в комнате? Ты мне до сих пор не рассказал, что с тобой произошло той ночью.

Эрик Фоглер промолчал и воткнул вилку в тушеное мясо. Непокорная горошина выскочила из его тарелки. Она попала в волосы бабушки и застряла там. Вскоре обед был окончен. Оба молчали: она думала о том, что произошло с ее внуком, а он не мог выкинуть из головы призрака, которого видел уже дважды.

Чуть позже бабушка, как и обещала, вышла из дому и села на свой велосипед, чтобы затеряться на нем где-то на улочках Грасберга. Эрик уселся на диван, откинувшись на спинку и задумчиво глядя на дверцы шкафа, где у Берты хранилась шахматная доска. Ему была видна фигура белого короля. Казалось, все на своих местах, по крайней мере, он так думал.

Из глубины дома доносилось беспрестанное тиканье настенных часов и треск поленьев в камине. Он почувствовал, как засыпает. Его нежный желудок с трудом переваривал тушеное мясо, приготовленное бабушкой. Он пытался не смыкать глаз, но это оказалось слишком утомительно. Не было сил сопротивляться. Жар камина и уютные объятья дивана, который, казалось, понемногу заглатывал его, заставили его сдаться: он, наконец, закрыл глаза. На улице начинался дождь.

Когда молодой человек заснул, кто-то тихонько открыл дверцу одного из деревянных комодов в гостиной. На нем, прямо под окном, стоял старый проигрыватель Берты Фоглер. Бабушка с малолетства очень любила классическую музыку, и в этом комоде хранились некоторые жемчужины ее коллекции.

Полупрозрачные пальцы перебирали стопку пластинок внутри комода. Казалось, они искали что-то конкретное.

Внезапно они остановились. Открыли бумажный конверт, бесшумно вытащили пластинку. На протяжении нескольких мгновений она парила в воздухе. Пальцы призрака очень осторожно подняли ее над комодом и поставили в проигрыватель. Тогда на устройстве загорелась красная лампочка. Игла несколько секунд дрожала, а потом упала на пластинку, крутившуюся внутри аппарата.

Заиграли скрипки, сначала нежно, потом все сильнее. Громкость постепенно нарастала. Все мощнее и мощнее... Ритм музыкального произведения становился напряженнее по мере того, как усиливался звук. Громче, громче, громче, быстрее, быстрее, быстрее! До тех пор, пока какая-то пронзительная и настойчивая нота не пробудила Эрика от глубокого сна. Когда он в смятении открыл глаза, музыка звучала с таким грохотом, что он подскочил на диване и задрыгал ногами в воздухе. Одна из тапочек слетела и упала на ковер.

«Что, что происходит?» — спрашивал он себя, оглядываясь, надеясь увидеть бабушку где-нибудь в углу комнаты. Или, может, она спряталась за каким-нибудь шкафом? Может, это одна из ее нелепых шуток?

Однако и следов велосипеда Берты не было видно рядом с входной дверью. Ему стало еще больше не по себе. Бабушка пока не приехала. Он дома один. Эрик посмотрел на проигрыватель. Музыка продолжала набирать громкость и становилась невыносимой. Если бы он хотел закричать что есть мочи, никто

не услышал бы его. Он подбежал к бесконечно крутящейся пластинке, резким движением поднял иглу и переместил ее в исходное положение. В то же мгновение в гостиной настала тишина, только и слышно было, как тикают часы на стене, как падают капли дождя и потрескивают дрова в камине.

Эрик Фоглер, опустившись на колени перед проигрывателем, вздохнул с облегчением. Неумолимые скрипки умолкли. Сердце его понемногу возвращалось к своему обычному ритму. Пластинка перестала крутиться. Однако конверт от нее по-прежнему лежал на полу в нескольких сантиметрах от колен юноши. Он протянул руку и тихонечко перевернул его, чтобы увидеть обложку. То была запись произведения Шуберта, струнный квартет под названием «Девушка и смерть».

Глава 8

Необычный сосед

Эрик Фоглер долго разглядывал конверт от пластинки. Успокоившись, он снова поднял иглу проигрывателя и поставил произведение Шуберта. Убавил громкость и стал внимательно слушать мелодию. Поначалу ему казалось, что она ему не знакома, но, по мере развития музыкальной темы, юноша подумал, что где-то уже слышал ее. «Где же, где?» — повторял он. О чем ему напоминала эта музыка? Где он уже слышал ее раньше? И как раз в тот момент, когда он уже почти вспомнил, входная дверь отворилась со звучным грохотом.

Внук Берты поспешно убрал пластинку в конверт. Потом сунул его в комод и быстро вскочил, стараясь выглядеть как ни в чем не бывало. Заметил, что на нем нет одной тапочки, побежал к дивану подобрать ее. Бабушка только что вошла в гостиную, толкая перед собой велосипед. Волосы у нее были мокрые и кудрявились больше, чем обычно. К удивлению внука, она обернулась и, глядя назад, помахала рукой, приглашая кого-то в комнату:

— Проходи, проходи, не стой там, ливень же!

В этот самый момент через порог дома перепрыгнул какой-то парень, отряхивая мокрые насквозь штанины брюк. Вероятно, ему было лет пятнадцать. Очень худой, высокий, бледный, с голубоватыми венами, он казался почти прозрачным. Глаза его

странно блестели, а губами он едва шевелил, даже когда разговаривал.

— Эрик! — воскликнула бабушка. — Иди сюда, я познакомлю тебя с Альбертом Циммером, сыном моих новых соседей. Ну, они ненадолго соседи. На самом деле, они живут в Бремене. Я встретила его у выхода из кондитерской и пригласила к нам. Он тоже очень увлекается шахматами, как и ты; я подумала, быть может, вы захотите сыграть партию.

Альберт Циммер подошел к Эрику и протянул ему руку, холодную и мокрую от дождя. Они едва соприкоснулись пальцами, поскольку Эрик, чуть дотронувшись до них, ощутил неприятный озноб. Новый сосед улыбнулся, не показывая зубов, и пошел за бабушкой на кухню.

— Мы сейчас вернемся! — объявила Берта. — Почему бы тебе не достать шахматную доску из шкафчика и не поставить ее на стол? Мы хотим приготовить полдник и немножко обсохнуть. Кстати, Альберт, — проговорила она, глядя на своего юного гостя, — тебе надо снять ботинки и надеть другие носки. Воспаление легких подхватишь. Мой внук тебе без проблем одолжит пару, не так ли?

— Прости, не знаю, о чем ты, бабушка... — залепетал Эрик, проводя рукой по волосам, чтобы убедиться, что его челка по-прежнему лежит идеально.

— Ну наверняка у тебя есть пара лишних носков в том чемодане, что ты с собой привез, — прошептала Берта так, чтоб Альберт ее не слышал, — а поскольку ты ведь хороший мальчик, — продолжала она грозно, — тебе нетрудно будет поделиться ими с нашим соседом.

— Нашим? — гневно возразил Эрик. — Но я его даже не знаю!

— Да, но я посмотрела: у вас примерно одинаковый размер стопы. И хватит болтать! — заключила она, натянуто улыбнувшись.

Эрик Фоглер в ярости поднялся по лестнице и отправился в свою комнату, сжимая руки в кулаки. Мысль о том, что кто-то чужой сунет свои потные ноги в его носки из чистой шерсти, приводила его в ужас. Он открыл чемодан и некоторое время медлил, не решаясь, какую именно пару отдать. Несомненно, это должна была быть самая старая из тех, что он взял с собой. И тем не менее, все его носки были в превосходном состоянии.

Наконец он решил, что пожертвует парой розовато-лилового цвета. Он с нежностью поглядел на них, прежде чем выйти из комнаты. Вспомнил, что впервые надел их, когда ездил с отцом в оперу в Берлине. И почувствовал, как колет в боку, словно кто-то безжалостно проворачивал там какой-то шип, причиняя ему огромные страдания.

Когда Эрик вошел в кухню, Альберт Циммер сидел на одном из стульев, стоявших вокруг стола. Новый сосед ждал его с подвернутыми штанинами и босиком. Ступни у него были странного белесого цвета, а желтоватые ногти он явно давно не стриг... Эрик подошел на безопасное расстояние и, стараясь не смотреть на ноги гостя, протянул ему носки.

— Возьми... Оставь их себе, — предложил Эрик, не выпуская носков из рук.

Альберт, немного попыхтев, надел носки и жестом поблагодарил Эрика, очень пристально глядя на него. Да так, что внук Берты в страхе выбежал из кухни, сославшись на то, что нужно принести шахматную доску. Что-то пугающее было в этом юноше, в его оранжевых

глазах, в прозрачной коже, в этой его улыбке, при которой он не показывал ни единого зуба... «И в довершение всего придется играть с ним в шахматы!» — сетовал Эрик, открывая дверцу шкафчика в гостиной.

— А вот и пасхальные яйца! — объявила Берта, подходя к столу в столовой.

На подносе она несла шоколадные сладости и три чашки горячего молока.

Внук, остолбенев, стоял посреди гостиной и не верил своим глазам. Он держал в руках шахматную доску и смотрел на нее изумленно. Все фигуры стояли на своих местах, но одной не хватало. Белый король снова таинственным образом исчез со своей клетки. А ведь дверь шкафчика, где хранились шахматы, была заперта на ключ. «Это невозможно!» — подумал он. Кто его унес? Призрак Зандры Надель? Почему он снова забрал короля? Сглотнув слюну, молодой человек медленно поставил шахматы на стол в столовой и уселся на один из стульев напротив своего соперника.

— Кажется, в этом доме водятся призраки! — пошутила бабушка, сообразив, в чем дело. — Ну ничего, мы заменим его другой фигурой, да и все, — предложила она, обводя взглядом полки шкафчика. — Да вот! Поставим на его место этого фарфорового пастушка.

— Я выбираю черные, — сказал Альберт, отказываясь от шоколадных яиц, предложенных Бертой.

— Тебе не хочется есть? Пасхальные яйца очень вкусные. Возьми хотя бы одно, — настаивала бабушка.

— Нет, большое спасибо. Я не ем между основными приемами пищи, — ответил новый сосед, едва заметно улыбнувшись.

Глава 9

Шах и мат

Эрик неуверенно рассматривал своего противника, опираясь обоими локтями на стол. Потом он поднял правую руку и сходил пешкой, стоявшей перед слоном на королевском фланге, на одну клетку. Альберт Циммер в ответ выдвинул пешку, стоявшую перед королем, на две клетки. Ставя фигуру в эту новую позицию, молодой человек посмотрел на Эрика с вызовом. В тот же самый миг комнату осветила вспышка молнии. Вскоре загремел гром, все вокруг потемнело.

Чтобы успокоить нервы, внук Берты только что сгрыз пасхальное яйцо, и кусочек шоколада прилип к его верхней губе так, что получились небольшие усики. Игроки молча смотрели друг на друга. Пробили часы на стене. Внук Берты вздохнул и откашлялся. После чего сходил конем на клетку С3. Партия продолжалась; бабушка воспользовалась моментом, чтобы почитать детектив, устроившись в кресле в гостиной. Соперник Эрика медленно переместил пешку ферзя на клетку D6.

В гостиной царила полная тишина. Альберт Циммер не сводил глаз со своего противника, словно хищная птица, готовая вот-вот наброситься на простодушную канарейку. Совсем как чучело филина из спальни. Эрику стало так неуютно, что он завертелся на стуле. После некоторых колебаний он поставил

пешку коня из королевского фланга на G4. Он смотрел на своего соперника, изображая спокойствие. Глаза Альберта сильно блестели. Внук Берты отвел от него взгляд и уставился на шахматную доску. Глубоко вздохнул. Внезапно костлявые пальцы Альберта Циммера легли на черного ферзя. Очень медленно, смакуя свой ход, он словно по волшебству подвинул фигуру на клетку H4.

— Шах и мат, — проговорил он тихо и торжествующе и схватил пастушка Эрика. — Мат королю! — повторил он.

Белый король пал менее чем через пять минут. «Шах и мат, это невозможно!» — думал Эрик, не в силах поверить в произошедшее. Он не помнил, чтоб его когда-либо побеждали за столь короткое время. Однако незнакомец сумел это сделать глазом не моргнув, без малейшего колебания, по виду — без единого усилия.

Альберт Циммер неторопливо поднялся. Он улыбался, не показывая зубов, точно так же, как когда входил в дом Берты Фоглер, с выражением победителя, от которого Эрику сделалось плохо. И в то же время что-то тревожное было в его взгляде.

— Кстати, у тебя кусок пасхального яйца вон там прилип, — сообщил Альберт, указывая на верхнюю губу Эрика.

Кусок шоколадного яйца? Проклятье! И он об этом не знал. Так быстро, как только мог, Эрик вынул платок с вышитыми на нем инициалами и стер свои «усики». Щеки его горели, но он пытался сделать вид, что все в порядке.

— Ну ладно, уже довольно поздно, — произнес Альберт Циммер, вынув из кармана старинные часы и поглядев на них. — Мне надо возвращаться домой.

— Как? Вы уже доиграли? — удивленно спросила Берта Фоглер, не успевшая прочесть и пары страниц.

— На сегодня мы закончили, верно? — ответил новый сосед, протягивая фигурку пастушка своему сопернику.

Эрик Фоглер отодвинул ее от себя резким движением; при этом, дотронувшись пальцами до кожи Альберта, снова отметил, какая она ледяная. Озноб пробежал по руке внука Берты. Бабушка резко захлопнула книгу, встала и направилась к выходу. Потом она предложила своему гостю зонт и проводила его до двери; внук даже не приподнялся со стула.

— И спасибо за носки! — добавил новый сосед на прощанье, переступая порог.

Эрик Фоглер поджал губы и почувствовал, как сердце его гневно забилось. И лишь увидев, что Альберт Циммер вышел на улицу, он вздохнул с облегчением и начал расставлять шахматные фигуры на доске.

— А с этим мне что делать? — спросил он, показывая бабушке фарфорового пастушка.

— Оставь его на месте белого короля, пока тот не объявится... Если хочешь взять реванш, пригласим как-нибудь Альберта, и вы снова сыграете партию.

Реванша он не хотел, как и признавать, что это поражение ранило его гордость. После того, как пришлось подарить гостю свои бледно-лиловые носки и так глупо проиграть шахматную партию, он меньше всего думал о том, чтоб снова пригласить в гости Альберта Циммера.

Чего он на самом деле желал всей душой — так это вернуться в Бремен, в свой город, закутаться в свое пуховое одеяло в своей комнате, продолжить собирать коллекцию окаменелостей, добавить нью-йоркские фотографии в свой цифровой альбом. И забыть эти неожиданные и нелепые каникулы в Грасберге. Отец прислал ему СМС, спрашивал, как дела. Сын ответил с тоскою: «Очень хочу вернуться домой».

После ужина Эрик простился с бабушкой. Он чувствовал себя подавленным; тихонько поднялся по лестнице, направляясь в свою комнату. Повернул дверную ручку, та легонько щелкнула. За окнами спальни продолжала бушевать гроза. Ветви деревьев яростно раскачивались на ветру. В тот самый момент, как он закрыл дверь и собирался включить свет, раздался оглушительный раскат грома. Он схватился рукой за сердце — и в это мгновение небо разрезала молния.

Люстра не работала: единственная целая лампочка перегорела. Поэтому ему пришлось в темноте пройти через всю комнату, чтобы добраться до кровати. Чучело филина, казалось, провожало его впотьмах своим стеклянным взглядом. Эрик сел на бабушкино одеяло и стал нащупывать выключатель, чтобы зажечь старую керосиновую лампу, стоявшую на деревянном столике. Она едва освещала комнату: лишь один из углов и часть изголовья кровати.

В полумраке Эрик повернул голову налево и заметил на подушке маленькую фигурку. Что лежит у него на постели? Он сглотнул слюну, протянул руку и медленно коснулся незнакомого предмета. Что это? Он нащупал бумагу, в которую тот был завернут. Дрожащими пальцами Эрик поднес сверток к слабому свету

керосиновой лампы. Недалеко от Грасберга прогремел сильный гром.

Развернув бумагу, он увидел перед собой белого короля с бабушкиной шахматной доски, испачканного сухой кровью. А лист, в который он был упакован, оказался фрагментом книжной страницы, и на нем можно было прочесть следующие строки:

Но кончено все... Зацепясь на лету,
Холст виснет на глыбе стрельчатой.
Тут колокол дрогнул на башне как риз...

Глава 10

Кошмар

Эрик Фоглер убрал фигуру белого короля в ящик стола и несколько раз перечитал стихи, стараясь, чтоб лист не дрожал у него в руках; сердце его сжималось от страха. Что означает это тревожное послание? Через некоторое время он залез под одеяло и положил голову на подушку. В памяти его снова и снова всплывал фрагмент произведения Шуберта, которое звучало днем в гостиной. «Девушка и смерть». «Где я мог раньше его слышать?» — повторял он про себя задумчиво. Он был уверен, что призрак Зандры Надель хотел о чем-то его предупредить, хотя и не понимал, по какой причине и о чем, собственно, речь. Почему она выбрала именно его?

На самом деле, в его распоряжении имелась лишь фигура белого короля, испачканная кровью, а еще он выяснил, что убитая девушка посещала шахматный клуб в день своего исчезновения. Оба они жили в Бремене, но, помимо увлечения шахматами, между ними вроде бы не было ничего общего. Однако музыка, звучавшая в его голове, казалась до странности знакомой. Быть может, он слышал ее дома. Но уверенности в этом юноша не испытывал. Наверняка он мог сказать лишь то, что это случилось совсем недавно.

В ту ночь ему страшно было засыпать. Он не смыкал глаз и не сводил взгляда с балкона спальни.

Призрак Зандры Надель мог появиться в любой момент. Эрик ждал его с каждой вспышкой молнии, с каждым раскатом грома, с каждым порывом ветра.

Прошло несколько часов, и, наконец, в пять утра веки его закрылись, и он провалился в сон. Разбитый усталостью, внук Берты вцепился пальцами в натянутое до самого носа одеяло, и ему приснился самый настоящий кошмар.

В этом жутком сне за балконом спальни, в том самом месте, где впервые Эрик увидел призрак Зандры Надель, на сей раз парил новый сосед. В самый разгар грозы Альберт Циммер касался своими костлявыми, как у скелета, пальцами оконного стекла. Вдруг молодой человек сунул левую руку в карман пальто и достал оттуда фигуру белого короля. Струйка крови вытекала из уголка его тонких губ, а он при этом продолжал улыбаться своей невыносимой торжествующей улыбкой — той самой, какая была у него, когда он обыграл Эрика в шахматы.

Эрик стал трясти головой, пытаясь изгнать этот образ из своих мыслей. Юноша в ужасе открыл глаза: он весь вспотел, сердце билось с чудовищной скоростью. Гроза прекратилась. И, несмотря на испытываемый им жуткий страх, молодой человек осмелился посмотреть в сторону балкона. Он очень медленно повернул голову, опасаясь увидеть самое худшее. Но никакого Альберта там не оказалось. И призрака Зандры Надель тоже.

После такого кошмара он уже больше не смог заснуть и просто лежал, покрасневшими глазами глядя на восход солнца. Эрик Фоглер поднялся очень рано и позавтракал вместе с бабушкой. Берта молча его разглядывала, жуя кекс, и спрашивала себя, почему у внука сегодня утром такие выраженные круги под глазами и такое бледное лицо. «В конце концов, может, он до сих пор не привык к кровати!» — сказала она про себя, размешивая ложечкой молоко в чашке.

Однако бабушка ничего не сказала даже тогда, когда обнаружила, что он старательно начищает свои «Ломбартини» в гостиной, ни когда он взял зонтик, ни когда он, стоя на пороге, попрощался с ней. Эрик вышел на улицу — и она знала, что идет он в таверну Вернера: выражение лица у него при этом было такое серьезное и сосредоточенное, словно ему предстояло решить какое-то очень важное, жизненно важное дело. Но она не могла знать, что в кармане пальто внука лежит листок с тремя строчками и что послал ему их призрак убитой девушки из Бремена.

Едва завидев, как внук Берты входит в заведение, официант собрался было открыть бутылку минеральной воды без газа комнатной температуры. Но, к его удивлению, странный посетитель, стоя в дверях, знаком остановил его и сказал:

— Сегодня мне апельсиновый сок, пожалуйста. С сахарином и без мякоти.

Эрик разыскал свободный столик, включил ноутбук и вошел в Google. Сделав маленький глоток сока из стакана, поставленного перед ним официантом, он вбил в поисковик следующие слова:

Но кончено все... Зацепясь на лету,
Холст виснет на глыбе стрельчатой.
Тут колокол дрогнул на башне как раз...

Через мгновение эти стихи нашлись по многим ссылкам. Большинство относилось к вампирам и призракам.

Фоглер снова почувствовал, как сердце его бьется гораздо быстрее положенного. Он кликнул одну из страниц и начал читать... Вскоре он выяснил, что таинственные слова были взяты из баллады под названием «Пляска мертвецов». Автор — великий немецкий поэт Гёте, родившийся в XVIII веке[1].

Эрик выпил еще глоток сока. И тут он вспомнил ролик с подругой Зандры Надель. Так что он решил войти на Youtube и поискать его. Вновь найти видео не составило труда. Запись длилась не более минуты. Там эта девушка, обеспокоенная и встревоженная, отвечала на вопросы журналистов.

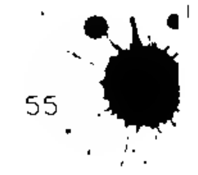
Но внука Берты интересовали не ее заявления, а начало видео. Он нажал на «play» и стал внимательно рассматривать изображение. Подруга Зандры Надель торопливо выходила из какого-то здания. Камера следила за ее перемещениями и не задерживалась на одном месте. Тогда он отмотал назад и вернулся к началу записи. И, как только ролик стал воспроизводиться, стремительно нажал на паузу. На протяжении нескольких мгновений юноша разглядывал картинку. Он сразу же узнал это место, камни фасада, надпись у входа, велосипеды, припаркованные у стены здания. Никаких сомнений: это была Бременская публичная библиотека.

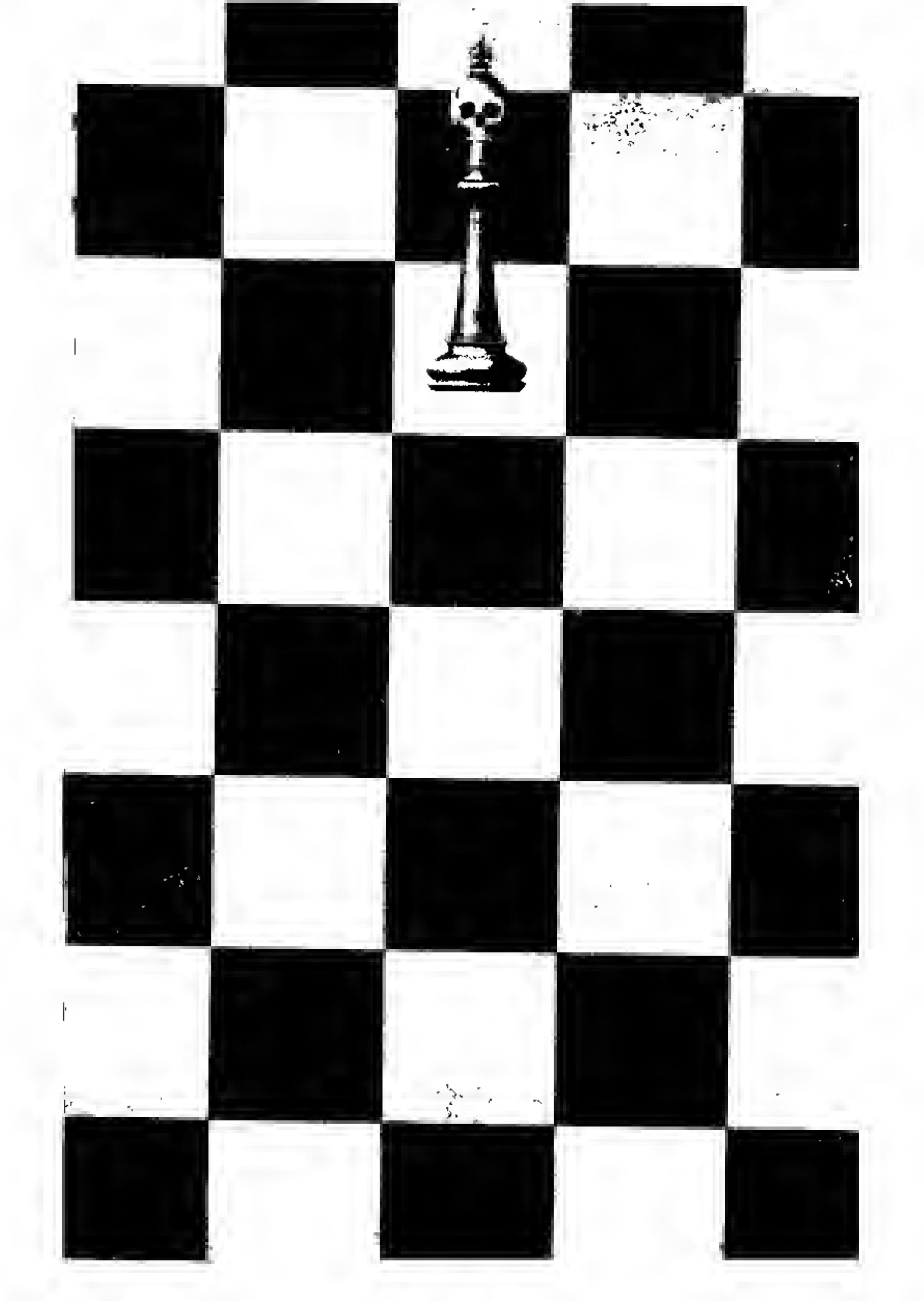
Сидя у экрана своего ноутбука, молодой человек в «Ломбартини» глубоко вздохнул и допил апельсиновый сок. Потом он посмотрел в окно таверны Вернера. Внезапно ему показалось, что через площадь идет Альберт Циммер. Он что, следит за Эриком от самого дома? Шпионит? Или просто случайность?

[1] В книге приводится фрагмент стихотворения в переводе В. Бугаевского.

«Пусть он пройдет мимо, пожалуйста!» — сказал юноша про себя, ставя локоть на стол, чтобы частично загородить рукой лицо. Через некоторое время, краем глаза поглядев в том же направлении, он с облегчением увидел, что соседа уже там нет. Тогда он снова с увлечением уставился в экран ноутбука. Зашел на страницу публичной библиотеки своего города и вбил имя автора баллады. Начался поиск. «Посмотрим, что у нас тут...» — сказал он про себя, сосредоточившись на экране и потирая ладони. Высветился длинный список произведений Гёте: различные научные труды, романы, пьесы, сборники поэзии. Он перешел к поэзии и стал кликать каждую книгу.

В скором времени он выяснил, что некоторые издания никому за последний месяц не выдавались, а другие взяли из библиотеки более недели назад. Эрик достал из кармана сумки для ноутбука блокнот, чтобы записать даты выдачи, и наконец нашел один экземпляр, сборник стихотворений и поэм Гёте, который кто-то взял почитать в тот самый день, когда исчезла Зандра Надель, и который до сих пор не вернули в библиотеку.

Глава 11

Какая-нибудь связь

Эрик записал в блокнот библиотечный номер книги. Потом он поднял голову и, обращаясь к официанту, заказал еще стакан апельсинового сока. Затем протер глаза. После той проклятой ночи он ощущал в них какое-то жжение. Может быть, чтобы побороть эту усталость, придется выпить целый литр апельсинового сока. Он снова провел пальцами по векам и подавил зевок. «Вспомни, Эрик, до исчезновения Зандры Падель в Бремене пропали еще двое молодых людей», — промелькнуло у него в голове, когда он покидал страницу публичной библиотеки.

«Кто они? Как их звали? Что их связывает?» — спрашивал он себя, пока официант ставил перед ним стакан сока.

— Спасибо, — рассеянно обронил Эрик.

В мыслях он никак не мог отвлечься от бременских преступлений и от призрака Зандры Падель. В сознании его звучали строки из «Пляски мертвецов» и музыка с пластинки «Девушка и смерть». Пока он размышлял об этой мелодии, к нему пришла идея. Он вытащил мобильный телефон и отправил отцу сообщение, в котором спрашивал, есть ли у них дома такое произведение Шуберта.

В этот момент в таверну вошла компания друзей, а с ними вместе влетел порыв ледяного ветра.

Эрик наклонился над столом и взял стакан, только что принесенный официантом. Но апельсиновый сок был слишком кислым. Тогда он порылся во внутреннем кармане пальто и вытащил коробочку сахарина. Бросил в напиток пару таблеток, чтобы подсластить, и снова попробовал. «Так гораздо лучше», — решил он. И снова вернулся на страницу поисковика, барабаня по столу пальцами правой руки. «С чего начать? С чего?» — спрашивал он себя.

Эрик выбрал отправной точкой день исчезновения Зандры Надель. Прочитав несколько заметок из различных немецких газет, он нашел ту, в которой упоминалась предыдущая жертва. «Ее звали Лео Кляйн, ей было семнадцать лет, и хотя девушка родилась в Австрии, она с малолетства жила в Бремене», — вот и все, что сообщало издание.

Тогда внук Берты вбил в поисковик «Лео Кляйн», и на экране высветилось бесконечное количество ссылок, связанных с ее исчезновением в начале прошлого марта. Согласно сообщениям цифровых изданий, ее труп обнаружили три недели спустя в одной из оранжерей на окраине местечка Цефен.

Эрик отправился на Youtube искать видео, связанные с этим преступлением. Нашел множество репортажей об обнаружении безжизненного тела Лео Кляйн, несколько официальных заявлений полиции и короткое интервью с мамой девушки: та сообщала, что в день своего исчезновения ее дочь с друзьями гуляла в бременском парке Бюргер. И после этого больше никто ее не видел.

Внук Берты оторвал взгляд от экрана ноутбука и посмотрел, который час. Он уже более двух часов разыскивал в интернете информацию о бременских

убийствах. Ему хотелось обнаружить нечто, что связывало бы две последние жертвы. Но между Зандрой Надель и Лео Кляйн, казалось, не было ничего общего. В самом деле: они жили в разных районах, учились в разных школах, возраст тоже разный, члены семей между собой не знакомы, и исчезли девушки из разных точек города.

Эрик задумчиво смотрел в экран, поднося к губам стакан апельсинового сока. Через некоторое время он вбил в поисковик имя жертвы и добавил «Пляска мертвецов». Ничего не высветилось. Тогда он попробовал другой вариант: «Гёте». Тоже безрезультатно. Он стер имя писателя и набрал: «Шуберт». С этой комбинацией ему тоже не повезло, как и со словосочетанием «Девушка и смерть». Наконец, он напечатал «Лео Кляйн» и рядом еще одно слово — «шахматы». И, глубоко вздохнув, нажал на клавишу ноутбука. К его удивлению, на экране появилась ссылка, где фигурировало имя девушки. Заголовок гласил: «Шахматный чемпионат среди юных дарований».

С некоторым волнением Эрик Фоглер открыл эту новость и начал очень внимательно читать. Событие датировалось маем прошлого года. Речь шла о шахматном турнире, организованном бременскими городскими властями, на который были приглашены также молодые люди из близлежащих местностей. Среди участников фигурировала Лео Кляйн.

Следующую фразу из газеты молодой человек прочел медленнее: «В ходе напряженной и эмоциональной партии, состоявшейся на второй день турнира, Лео Кляйн была перед самым финалом побеждена Зандрой Надель». Юноша удовлетворенно

улыбнулся. Наконец он нашел нечто, связывавшее обе жертвы, — их увлечение шахматами. Вдруг раздался сигнал мобильного телефона. Пришло сообщение от отца из Нью-Йорка. Франк Фоглер спрашивал, как идут дела в Грасберге, как поживает бабушка, и заверял сына, что дома у них нет диска Шуберта, упомянутого в СМС.

Эрик Фоглер уже собирался ответить и тут заметил рядом со своим столиком крайне нежелательного субъекта. Он медленно поднял голову от экрана телефона и встретился взглядом с Альбертом Циммером: выражение лица последнего внушало тревогу. Глаза его блестели, а кожа выглядела еще более бледной, чем накануне. Он положил ладони на столик, за которым сидел Эрик, и рассматривал его с видом превосходства. Потом, не дожидаясь приглашения, сел напротив внука Берты и молча улыбнулся.

Глава 12

Пугающее подозрение

Пожалуй, с Альбертом Циммером Эрику меньше всего хотелось встречаться в то утро. И тем не менее, вот он сидит тут, прямо перед носом. Внуку Берты стало не по себе. Ведь это не совпадение. На несколько мгновений он перевел взгляд, рассматривая обувь своего нового соседа и, к ужасу своему, обнаружил, что Альберт не сменил носков и по-прежнему ходил в тех бледно-лиловых, что Эрик отдал ему накануне.

— Я заходил к тебе домой, но тебя там не было. Твоя бабушка сказала, что ты пошел сюда. Можно узнать, что ты тут делаешь? — спросил сосед с любопытством, склоняясь над ноутбуком Эрика.

— Ничего, что могло бы тебя заинтересовать, — ответил юноша недовольно.

— Гм, ну-ка, ну-ка... Шахматный чемпионат среди юных дарований, — громко прочел его собеседник.

— Какое совпадение! — продолжал он. — Я как раз пришел поговорить с тобой о шахматах. Хотел пригласить тебя сегодня к себе. Родители уезжают в Бремен, мы могли бы сыграть наедине... И ты сможешь доказать, что ты не просто воображала, как мне вчера показалось. Что скажешь?

Внук Берты начал быстро-быстро собирать вещи. Он пытался сохранять спокойствие, но в голове у него маячил образ из ночного кошмара. Циммер со своей

пугающей улыбкой, парящий среди ночи за окнами его балкона. В точности как призрак Зандры Надель.

— Ну как, отважишься взять реванш?.. Или ты меня боишься? — спросил Альберт и придвинулся так близко, что Эрик ощутил его ледяное дыхание на своей шее.

— Сегодня не смогу, я очень занят, — отказался внук Берты, поспешно поднимаясь с табурета.

После чего, обращаясь к хозяину таверны, спросил:

— Скажите, пожалуйста, сколько я вам должен?

Он расплатился бумажной купюрой и не стал дожидаться сдачи. Так ему не терпелось побыстрее убраться отсюда.

— Да ладно, Фоглер! — воскликнул Циммер, следуя за ним к выходу из таверны. — Что плохого, если мы сыграем еще партию?

— Думаю, я больше не буду с тобой играть, — пробормотал Эрик, открывая дверь заведения.

Несмотря на протесты юноши, Альберт взялся проводить его до дома и по дороге продолжал настаивать на своем предложении. Господи, ну почему сосед не оставит его в покое? Очевидно, намсков он не понимает. И легко от своего не отступается. В общем, молодой человек, казалось, был одержим Эриком и шахматами.

Хотя внук Берты делал все возможное, чтобы сохранять дистанцию, этот юноша не желал ни на минуту оставить его в покое. Так что, когда сосед подходил слишком близко, Эрик ускорял шаг, решительно прыгал по лужам, двигался очень быстро. Искоса он наблюдал за своим попутчиком, укутывая шею шарфом и при этом молясь про себя о том, чтоб поскорей

дойти до дома бабушки и таким образом отделаться от Циммера.

Когда Эрик добрался до двери дома Берты Фоглер и настойчиво постучал в нее, сосед по-прежнему стоял там, у него за спиной, и, по всей видимости, не намеревался уходить. Ожидание показалось юноше бесконечным. Через некоторое время бабушка открыла дверь и встретила их с улыбкой:

— Альберт, какой приятный сюрприз! — воскликнула она. — Останешься с нами пообедать? Ты не против?

— Большое спасибо, госпожа Фоглер, но меня ждут дома, — ответил тот учтиво.

— Ах, как жаль! — посетовала бабушка, с беспокойством глядя на Эрика. — Мой внук здесь совсем один, он скучает, бедный... Он ни с кем из ровесников не знаком в Грасберге.

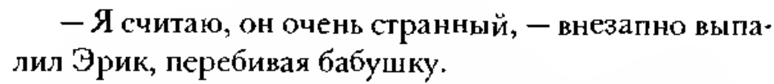
— Я не скучаю, бабушка! — в гневе выпалил Эрик.

— Ну ладно, — продолжала Берта, повернувшись к Альберту и не обращая внимания на внука, — приходи к нам завтра на целый день. Тебе по душе такая идея? Мы были бы очень рады, если бы ты пришел.

Циммера явно забавляло сложившееся положение. Поэтому он посмотрел на Эрика, потом на его бабушку и, не сдержав довольной улыбки, принял приглашение. Внук Берты нетерпеливо попрощался с ним, стоя в дверях.

— Не знаю, зачем ты его снова пригласила?! — посетовал он через мгновение, валясь на диван в гостиной.

— Мне он кажется приятным молодым человеком — ну, может, он немного постарше тебя, но не сильно.

— Я считаю, он очень странный, — внезапно выпалил Эрик, перебивая бабушку.

Берта Фоглер с удивлением посмотрела на внука.

— Ты считаешь, что он странный? — повторила она спустя несколько секунд.

Эрик молча кивнул, а потом спросил:

— Ты не обратила внимание на цвет его глаз?

— Нет.

— Они оранжевые.

— Ух ты!

— Кроме того, у него есть что-то непонятное во взгляде, у него ледяные руки, а улыбаясь, он никогда не показывает зубов...

— Подумать только!

— Не улавливаешь?.. А еще он при нас не ест, — продолжал Эрик тише. — И мы знаем только, что он приехал из Бремена. И больше ничего.

— Не понимаю, о чем ты, Эрик.

Между ними воцарилось молчание, которое вскоре прервал сигнал таймера плиты. Бабушка поспешно выбежала из гостиной, а Эрик вцепился в свой ноутбук. Неподалеку прогремел гром, и снова началась гроза.

Глава 13

Первая жертва

Пока Эрик проводил свое расследование в таверне Вернера, бабушка запекла в духовке рыбу. Она не отрезала ей голову, и выпученные глаза уставились прямо на юношу. На протяжении большей части обеда он был занят тем, что пытался избежать этого взгляда, а также придирчиво изучал каждый кусочек блюда, поскольку в нем было полным-полно костей.

— Ну, как прошло утро? — спросила Берта, чтобы нарушить возникшее между ними молчание.

Молодой человек пожал плечами. Он не мог скрыть раздражения после того, как бабушка снова пригласила Альберта Циммера в гости.

— Немного пюре? — предложила она любезно.

Прежде чем Эрик успел отказаться, она вывалила ему на тарелку огромную ложку картофельного пюре, и оно, словно кусок железобетона, упало сверху на рыбу и погребло под собой значительную часть костей, которые он так долго выбирал. Через мгновение внук уже скрылся на улице, держа путь в таверну. Он прятал свой маленький ноутбук под пальто и укрывался от дождя под черным зонтом.

В тот день в заведении Вернера было довольно многолюдно. Когда Эрик открыл дверь таверны, его обдало жаром от плиты и от присутствия посетителей, непринужденно болтавших у барной стойки и за

столиками, большинство из которых было занято. Он подозвал официанта — тот за последние дни уже привык к визитам юноши — и заказал чай с молоком. Потом он отыскал глазами единственный свободный столик и сел за него.

Эрик четко представлял, о ком будет искать сегодня информацию. Его звали Конрад Браун, и он стал первой жертвой бременского убийцы. Внук Берты набрал имя незнакомого юноши и стал ждать, пока на экране высветятся ссылки по его делу.

Конрад Браун исчез в середине февраля, накануне своего пятнадцатилетия. Газеты писали, что это был застенчивый юноша, прилежный ученик, без каких-либо проблем в семье. В одном из видео мать Конрада Брауна рассказала, что ее сын слегка хромал вследствие детской болезни и страдал от приступов астмы. Эрик Фоглер также выяснил, что труп обнаружили в парке Бюргер, там же, где в последний раз видели Лео Кляйн.

Внук Берты был так поглощен чтением сообщений об этом убийстве, что даже не заметил, как официант поставил перед ним на стол горячий чай. Ни секунды не сомневаясь, Фоглер добавил к имени жертвы слово «шахматы» и стал ждать результатов. К его удивлению, поисковик ничего не выдал. Эрик нахмурился. Несколько мгновений он колебался, не зная, что делать. Несколько раз в задумчивости почесал подбородок. Потом сделал еще попытку: вбил «Шахматный чемпионат среди юных дарований в Бремене». Он тщательно перечитал заметку, найденную утром, но не нашел в списке участников турнира имени Конрада Брауна. «Может быть, они никак не связаны между собой», —

подумал молодой человек, не отрывая взгляда от ноутбука.

Тогда он выбрал в поиске «Изображения» и снова набрал имя юноши. На экране появилось множество маленьких фотографий жертвы, предоставленных полиции членами семьи. Большинство из них повторялись в разных размерах и относились к статьям в различных интернет-изданиях или к фрагментам телерепортажей. Но последняя картинка была более ранней, школьной.

Эрик кликнул на нее, чтобы увеличить. В это самое мгновение он, наконец, осознал, что чай с молоком дожидается его на столе. Напиток все еще был очень горячим. Молодой человек обжег язык. Он недовольно промычал и поставил чашку на блюдце. Несколько раз подул на подушечки пальцев. Попросил, чтоб официант принес ему кубик льда, и положил его на кончик языка. Почувствовав некоторое облегчение, Эрик снова сосредоточился на экране своего компьютера. Речь шла о фото для местной газеты. На ней группа детей гуляла по Бременской художественной галерее под руководством учителя. Одним из школьников был Конрад Браун.

Внук Берты стал внимательно рассматривать учеников. Изучал их лица и вдруг остановился взглядом на девочке, с улыбкой глядевшей в камеру. По его расчетам, ей было не больше девяти лет. Эрик попытался увеличить изображение, но у него не получилось. Тогда он сохранил фото на рабочем столе, чтобы при помощи зума более подробно разглядеть лицо, казавшееся ему знакомым.

Потом он разыскал снимок Зандры Надель, растиражированный в газетах после ее исчезновения.

И с удивлением обнаружил, что у обеих одинаковая улыбка. Сомнений не было: девочка с фото в галерее и есть маленькая Зандра Надель. Так что Конрад Браун и Зандра Надель учились в одной и той же школе в Бремене и, вероятно, знали друг друга с той поры. «Может быть, они даже дружили, — подумал Эрик, вновь рассматривая фото из художественной галереи. — Вот она, связь между первой и третьей жертвами», — сказал он про себя, не отваживаясь прикоснуться к чашке чая, над которой по-прежнему поднимался пар.

Как и подозревал Эрик, в день своего исчезновения юный Конрад Браун посещал Бременскую публичную библиотеку. Там он повстречал Зандру Надель; они попрощались на выходе из здания.

— Удачи тебе на завтрашнем экзамене, — пожелала приятелю Зандра, прежде чем отправиться домой.

— Спасибо. Пойдешь в понедельник в шахматный клуб?

— Да, конечно. А ты?

— Постараюсь. Если смогу, увидимся там? Сыграем партию. Давно мы не играли.

— Хорошо, я рискну, хотя ты очень опасный противник, — пошутила Зандра.

— Кто бы говорил, победительница бременского чемпионата!

— Послушай, Конрад... Мы с тобой знаем, что если бы ты принял в нем участие и мы встретились бы за одной доской на второй день, я никогда не дошла бы до финала. Проклятый приступ астмы не дал тебе стать одним из игроков турнира.

Молодой человек улыбкой поблагодарил ее за комплимент.

— В понедельник в шахматном клубе! — воскликнул он на прощанье, помахав ей рукой.

— До понедельника! — ответила Зандра Надель, еще не зная, что больше никогда в жизни его не увидит.

Простившись с подругой, Конрад Браун пошел по улице Пайцер, чтобы потом попасть на Квееренштрассе, где он жил со своими родителями. В Бремене уже стемнело. На дворе стоял февраль. Дул сильный ветер, и, чтобы укрыться от него, Конрад Браун прижимал к себе тетрадку и взятые в библиотеке книги. Он слегка хромал на левую ногу, при каждом выдохе изо рта у него вырывалось облачко пара. Юноша свернул в переулок, чтобы срезать путь, он всегда так делал. Там, как обычно, было пустынно. Конрад почувствовал, что у него заледенел нос, и закутался в шарф, как только смог.

Вдруг за спиной у него послышались шаги. Поначалу далекие и тихие. Постепенно звук приближался, и вот он уже раздавался в нескольких метрах от юноши. Тем временем Конрад Браун думал лишь о Зандре Надель, о ее улыбке и о том, когда он в следующий раз ее увидит. Поэтому он ни разу не оглянулся, а продолжал идти, погруженный в свои размышления. А вот если бы он это сделал, если бы на мгновение повернул голову, то увидел бы человека, преследовавшего его от самой библиотеки. Шаги все приближались, и юноша решил посмотреть, в чем дело, почуяв опасность. Но было уже слишком поздно.

Конрад Браун попытался бежать, но чья-то рука крепко схватила его за грудь, а ко рту в то же самое мгновение поднесли платок с хлороформом. Через

несколько секунд он потерял сознание. Ветер листал тетрадь и две книги юной жертвы, оставшиеся на мостовой. Ночью дворник поднял их и отнес в контейнер для макулатуры, тем самым стерев все следы исчезновения молодого человека.

Глава 14

Улыбка Альберта Циммера

Когда Эрик Фоглер выходил из таверны Вернера, уже стемнело, хотя было еще не слишком поздно. Он шел, погруженный в свои мысли, вспоминая все, что ему удалось до сих пор выяснить о бременских преступлениях.

Поглощенный этими размышлениями, он не сразу заметил, что кто-то идет за ним. Однако шаги преследователя все приближались. Улица была совершенно пустынна, дождь прекратился.

И вдруг внук Берты услышал в тишине звук ботинок по мостовой. Он сжал ноутбук под мышкой и двинулся быстрее. Тень, шедшая за ним по пятам, тоже ускорилась. Эрик Фоглер не отваживался оглянуться. Он нисколько не сомневался, что кто-то его преследует. Он с трудом сглотнул слюну и устремился вперед широкими шагами. Но незнакомец приближался. Добравшись до фонаря, Эрик побежал. Преследователь довольно улыбнулся и последовал его примеру, после чего догнал его. Внезапно внук Берты услышал совсем близко шепот:

— Ты закончил свои дела? — спрашивал его Альберт Циммер.

Эрик резко обернулся, отпрыгнул назад и с испуганным лицом стал пятиться. Для защиты он выставил

ноутбук навстречу своему соседу: последний, вместо того, чтобы отступить, продолжал нависать над Фоглером и, по всей видимости, не собирался уходить.

— Это не твое дело! — ответил Эрик. Он уперся в стену какого-то дома, и бежать ему было некуда.

— По-прежнему интересуешься Бременским шахматным чемпионатом?

— Не знаю, о чем ты!

— «Не знаю, о чем ты!» — передразнил Альберт, издевательски копируя голос Эрика Фоглера. — Ну конечно, знаешь. Я имею в виду тот сайт, что ты просматривал в таверне сегодня утром. Кончай придуриваться! В том турнире участвовали Лео Кляйн и Зандра Надель. Это тебе о чем-нибудь говорит?

Эрик отрицательно покачал головой и поднял ноутбук повыше, защищая шею. Он чувствовал, что его загнали в угол. Лицо Альберта Циммера находилось в нескольких сантиметрах от его носа. А еще сосед уперся ладонями в стену дома, и его руки мешали Эрику пошевелиться. Бежать некуда.

— Лео Кляйн и Зандра Надель были убиты в последние месяцы. Но я уверен, ты в курсе бременских преступлений, — продолжал Альберт, пристально глядя на Эрика.

— Нет... Я не знал.

— Я был знаком с Зандрой, — внезапно заявил сосед очень серьезно. — Мы учились в одной школе. Мы часто встречались в шахматном клубе, я играл с ней в финале чемпионата юных дарований. Она меня в тот раз обыграла. А теперь она мертва, ее обнаружили зарезанной в пригороде Гамбурга.

Эрик выпучил глаза. Сосед был знаком с жертвой бременского убийцы! Он силился скрыть свое изумление и молчал.

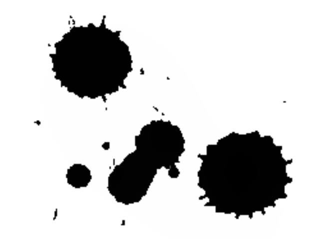
— Я видел ее в день исчезновения, — продолжал Альберт Циммер. — Мы встретились в Бременской публичной библиотеке. Искали одну и ту же книгу, стихотворный сборник Гёте для работы по литературе. Поскольку оставался единственный экземпляр, мы договорились, что она его заберет с тем условием, чтобы передать его мне через несколько дней. Помню, Зандра спешила: она договорилась с подругой встретиться в шахматном клубе и не хотела опаздывать.

Эрик по-прежнему стоял, прижавшись к стене дома, и внимательно слушал каждое слово. Он едва моргал и крепко сжимал ноутбук, служивший преградой между ним и соседом.

— Зандра Надель мертва, — повторил молодой человек, — так же, как Лео Кляйн и Конрад Браун. Все трое были хорошими шахматистами, все трое жили в Бремене... Что ты думаешь по этому поводу, Фоглер? Как будто кто-то разыгрывает чудовищную партию, по очереди забирая фигуры. Пали уже трое... Кто следующий?

Циммер улыбнулся, не отодвигаясь от стены, о которую опирался. Это была ироничная и таинственная улыбка. Но в то же самое время это была улыбка, не знакомая внуку Берты: ведь на сей раз губы соседа расплылись в ней без стеснения, открывая острые блестящие клыки. Эрик почувствовал дрожь в ногах. Компьютер вот-вот выскользнет из пальцев и упадет на мостовую. Он вдохнул поглубже ледяного воздуха. И, не раздумывая, пригнулся и проскочил под рукой у Альберта.

После чего бросился бежать по улице, как сумасшедший. Только и сверкали подошвы «Ломбартини» над лужами. Время от времени он наступал в одну из них. Но в панике Эрика Фоглера совершенно не заботили его итальянские ботинки. Важно было лишь одно: добраться живым и здоровым до дома бабушки и как можно скорее вернуться в Бремен.

Глава 15

Бессонная ночь

Эрик добежал до дома бабушки, задыхаясь, и забарабанил костяшками пальцев в дверь. «Давай, давай», — повторял он тихонько. Потом он услышал вдалеке, по ту сторону двери, шаги. Он повернул голову налево, чтобы удостовериться, что Альберт Циммер его не преследует. На улице никого не было, кроме черной кошки, которая встретилась ему в первый день и теперь приближалась к нему по тротуару. Все с тем же угрожающим выражением желтых глаз она мяукала, показывая острые клыки.

Эрик снова отчаянно забарабанил в дверь.

— Иду, иду! — закричала Берта, спускаясь по лестнице.

Черная кошка находилась уже в паре метров от него, она выпустила когти и выгнула спину. Шерсть ее стояла дыбом. Казалось, она вот-вот набросится на молодого человека и вонзит в него свои острые когти-крючки. Эрик снова принялся изо всех сил стучать в дверь. И как только она приоткрылась, боком проскользнул в гостиную Берты.

— Поглядите-ка, какая спешка! — возмущенно воскликнула бабушка, отступая в сторону, чтоб дать ему пройти.

— Прости! — извинился внук, переводя дух и выпрямляясь.

— С тобой все хорошо? — поинтересовалась Берта, стоя в дверях и с любопытством разглядывая его.

Эрик кивнул и стал снимать шарф. Ему казалось, легкие его сейчас лопнут. Бледное лицо покрывал холодный пот. Под изумленным взглядом бабушки он без сил рухнул на диван в гостиной. «Ломбартини» превратились в мерзкое месиво. Он развязал шнурки, взял ботинки в руки и решил пойти к себе в спальню переодеться.

Он преодолел несколько первых ступеней — и тут вдруг небольшой предмет выпал из кармана его пальто. Берта Фоглер наблюдала, как он скачет по ступенькам, пока, наконец, не приземлился на ковре у входа. Она медленно наклонилась и взяла вещицу в руки. Это была испачканная кровью фигура белого короля.

Бабушка подняла глаза и уставилась на внука, который при виде произошедшего замер.

— Ты можешь мне это объяснить?

— Я... я нашел ее у себя в комнате, бабушка. Не знаю, как она туда попала, правда.

— А кровь? Твоя?

— Нет, не моя... — признался он. — Я не знаю, чья она. Когда я обнаружил фигурку в спальне, она уже была испачкана.

— Не знаю, что тут происходит, Эрик... Но ты ведешь себя еще более странно, чем обычно... Ты весь день провел в таверне Вернера?

— Да, конечно. А почему ты спрашиваешь?

— Потому что сегодня днем я чинила велосипед в подвале и услышала в гостиной шум. Когда я поднялась наверх, проигрыватель был включен, и кто-то поставил в него пластинку. А конверт от нее валялся на полу.

— Какую пластинку? — спросил Эрик, предугадывая ответ.

— Шуберт, «Девушка и смерть». Я подумала, что это ты ее поставил...

— Я весь день провел в таверне, клянусь тебе. Можешь спросить у Вернера.

Берта Фоглер недоверчиво посмотрела на Эрика, всей душой желая, чтобы было воскресенье и сын Франк постучал в дверь и забрал несносного внука обратно в город. Однако бабушка молчала. Она снова посмотрела на окровавленную фигуру белого короля. Что скрывает этот парень с простодушным лицом, смотрящий на нее с лестницы? Что обнаружил Эрик? Чем он занимался в таверне Вернера? Ясно, что внук не намерен ничего ей рассказывать.

Берта Фоглер поджала губы и энергично махнула рукой, отпуская его в свою комнату. Эрик послушался и исчез наверху лестницы. Через некоторое время он спустился на кухню в пижаме золотистого цвета и тапочках в тон. Кроме того, на нем был коричневый атласный халат. За ужином он почти не притронулся к еде. Никто не проронил ни слова до самого десерта. Тогда Берта стала вдруг очень серьезной, откашлялась и выпалила:

— Завтра поговорим.

Фоглер, понурив голову, поднялся по лестнице. Войдя в свою комнату, он подошел к ночному столику и открыл верхний ящик, где лежал лист с таинственными словами Гёте. Он сел на кровать и очень медленно вслух перечитал их:

Но кончено все... Зацепясь на лету,
Холст виснет на глыбе стрельчатой.
Тут колокол дрогнул на башне как раз...

Что хотела сказать Зандра Надель этими стихами? Почему она принесла их в Грасберг? Что она имела в виду этим «Но кончено все...»? Действительно ли убийца играет в шахматы со своими жертвами, как говорил ему Альберт Циммер? Кто умрет следующим? Кто следующая фигура, которой суждено пасть? Эти и другие вопросы крутились в его голове в ту ночь.

Еще он подумал о своей бабушке, о фигуре белого короля, скакавшей по лестнице, и о том, какими словами Берта Фоглер окончила ужин: «Завтра поговорим». Разумеется, Эрик не хотел обсуждать с ней или с кем-либо другим ни призрак Зандры Надель, ни свою последнюю встречу с Альбертом Циммером, ни другие преступления, свершившиеся в Бремене, которые он расследовал. Он хотел только одного: вернуться домой, сбежать из этого места.

Разыскав свой мобильный телефон, он отправил СМС отцу, написал, что скучает по нему. Потом медленно развязал пояс, снял халат, повесил его на спинку стула и залез под одеяло с катышками. Опустив голову на подушку, он стал вспоминать слова Альберта Циммера: «...Я играл с ней в финале чемпионата юных дарований. Она меня в тот раз обыграла. А теперь она мертва...» На несколько секунд он закрыл глаза. «Значит, Зандра Надель выиграла у Альберта Циммера в финале турнира... — подумал он. — Тогда кто же такой белый король, испачканный кровью? Кто убил Зандру Надель?» — спрашивал он себя, открыв глаза и глядя в потолок.

Время шло; Эрику, несмотря на все его старания, удалось поспать всего несколько минут. Это была ужасная бессонная ночь, в голове у него смешивались воедино образы: призрак Зандры Надель в коридоре, острые клыки Альберта Циммера, черная кошка с желтыми глазами, испачканная кровью фигура короля...

На рассвете снова полил сильный дождь. Капли барабанили в балконные стекла. Внук Берты время от времени поглядывал в те окна. Он молился о том, чтоб призрак Зандры Надель не появился за ними, как в первую ночь, что Эрик провел в Грасберге. Медленно шли часы, по крайней мере, ему они казались бесконечными. Он думал о том, как сильно ему хочется вернуться в Бремен, в свой город.

Когда совсем рассвело, дождь прекратился. Эрик, всю ночь не сомкнувший глаз, заснул, сломленный усталостью. Было начало восьмого утра. Проснувшись, он взглянул на часы и был поражен.

— Половина первого! — воскликнул он изумленно, видя, что уже так поздно.

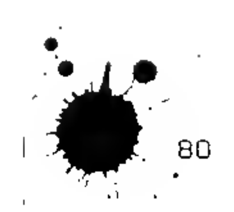
Он молниеносно вскочил с кровати, торопливо оделся и обулся. Сложил в чемодан одежду и ноутбук. Оставил собранные вещи в комнате. Проверил ящик ночного столика, чтобы ничего не забыть. Достал оттуда кое-какие личные вещи и послание Зандры Надель, стихи Гёте. Положил последние во внутренний карман пальто. Потом спустился вниз и обнаружил, что бабушка ушла. «Вернусь к обеду», — гласила записка, оставленная ею на столе в столовой.

Эрик не раздумывая надел пальто и вышел на улицу. Была пятница, неистово дул ветер. Гель, которым он уложил волосы, не мог выстоять против мощных потоков воздуха, и в конце концов его тонкие волосы взлохматились и стали торчать в разные стороны,

бросая вызов силе земного притяжения и восставая против всего мира. Но внук Берты ускорил шаг, не обращая внимания на беспорядочность своей прически и на пятна на своих «Ломбартини». Он быстро добрался до остановки грасбергских автобусов и прочел расписание.

На обратном пути ветер сорвал с его шеи шарф.

— О, нет, мой ангорский шарф! — запричитал он и побежал следом. Несколько мгновений ткань парила в воздухе. Эрик стал подпрыгивать, пытаясь ее достать. Все было напрасно. Ветер подул в другую сторону, и шарф устремился прямиком в лужу.

Глава 16

Решение Эрика

Когда Эрик пришел домой, бабушка уже вернулась и ждала его на кухне. Она приготовила овощной суп, и аромат распространялся на всю гостиную.

— Ох, а с волосами-то что? — воскликнула она удивленно, когда он показался в дверях. — Ты откуда? Что с тобой приключилось? — спрашивала она, рассматривая прическу внука и испачканный в грязи шарф, который он с тоскливым видом волочил по полу.

Внук тут же поднес руки к голове. Потом нашел свое отражение в одной из стеклянных дверец буфета. И увидел жуткую картину. Бледное, испуганное лицо, круги под глазами и волосы в таком виде, словно он только что вылез из преисподней.

Ни слова не говоря, он поднялся в свою комнату и достал из сумочки с гигиеническими принадлежностями все необходимое для того, чтобы привести себя в порядок: расческу, гель для фиксации, увлажняющий крем, средство от кругов под глазами... А потом, стоя перед зеркалом в ванной, уложил каждый волосок на свое место. С той же тщательностью он ликвидировал следы усталости со своих век. И наконец немного сбрызнул шею одеколоном. Осмотрев результат в зеркале, Эрик почувствовал себя немного лучше. Он вернулся в комнату,

сложил ангорский шарф в герметичный пластиковый пакет, который затем сунул в чемодан. «Руками постираю, когда приеду домой», — мысленно пообещал он себе в утешение.

Когда он спустился на кухню, бабушка уже расставила на столе тарелки и разливала суп. Он был такой горячий, от него шел такой пар, что бабушка и внук, сидя друг против друга, ждали, пока он остынет. Берта тем временем сунула руку в карман халата, достала оттуда фигуру белого короля и положила ее в центр стола, точно так же, как накануне вечером. Но на сей раз она была расположена поговорить и потребовать объяснений. Эрик на протяжении нескольких мгновений рассматривал шахматную фигуру и избегал смотреть Берте в глаза.

— Я по-прежнему жду, пока ты мне расскажешь, что здесь происходит, — начала бабушка. — Знаю, тебе бы хотелось сейчас быть в Нью-Йорке с отцом или в Бремене. Я хорошо осознаю, что тебе меньше всего хотелось бы проводить каникулы в моем доме, но пока ты тут, я за тебя отвечаю и стараюсь понять. Однако не стану отрицать, что твои поступки с момента твоего появления обескураживают меня, Эрик. Тебе нечего мне сказать?

— Извини...

— Мне не нужны извинения. Я только хочу знать, какого черта означает эта шахматная фигура, испачканная кровью. Ты во что-то нехорошее впутался?

— Нет. Я уже тебе говорил, что нашел ее в своей комнате.

— Хорошо, хорошо, она уже была испачкана, и ты не знаешь, как она к тебе попала, — вслух рассуждала

бабушка, а потом вдруг переключилась на другой вопрос:

— А где ты был сегодня утром?

— Пошел прогуляться, хотел немного развеяться, — на ходу сочинил Эрик.

— Прогуляться... — повторила бабушка, ставя локти на стол. — С этого момента и до тех пор, пока отец за тобой не приедет, — заявила она, не сводя глаз с внука, — ты будешь сидеть дома и выбираться на улицу только со мной, будем везде ходить вместе. Знаю, ты от меня что-то скрываешь и не намерен ничего рассказывать, но я не могу допустить, чтобы с тобой что-нибудь произошло или чтобы ты ввязался в неприятности, пока ты под моим присмотром. Ясно?

Эрик кивнул и положил руки ладонями вниз на салфетку, лежавшую у него на коленях.

— А теперь, — продолжила бабушка, дабы окончить этот разговор, — давай есть суп, а то остынет.

Бабушка первой зачерпнула ложку супа, от которого все еще шел пар. Внук последовал ее примеру и обжег нёбо. Но возмущаться не стал. Глотнув холодной воды, он собрался с духом, чтобы съесть еще ложку. По окончании обеда Берта Фоглер осталась на кухне мыть посуду.

Эрик, под предлогом того, что ему надо почистить зубы, поднялся в свою комнату. Он взял пасту и щетку и отправился в ванную. Перед зеркалом он высунул язык. И обнаружил ожог: по бокам выступили маленькие пузырики. «Проклятье!» — выругался он про себя, выдавливая пасту.

Потом внук Берты посмотрел в глаза своему отражению. «Момент настал», — повторял он решительно. Выйдя из ванной, он высунулся на лестницу.

Бабушка по-прежнему находилась на кухне. Он схватил чемодан и зонт. Взглянул на часы, надел пальто. «Времени достаточно», — подбадривал он себя, открывая дверь комнаты. Следующий автобус на Бремен уходил менее чем через пятнадцать минут.

Обхватив чемодан обеими руками, чтобы как можно меньше шуметь, он очень осторожно стал спускаться по лестнице. Отсюда ему было слышно, как гремят плошки в раковине. Эрик продолжал двигаться вниз, стараясь не касаться перил. Он почти не дышал. Добрался до середины лестницы, но чемодан оказался слишком тяжелым.

«Осталось чуть-чуть!» — повторял внук Берты про себя, не сводя глаз с кухонной двери. Он успокоился, немного передохнул, набрал в легкие побольше воздуха. Сделал еще шаг. На мгновение левый «Ломбартини» завис и чуть не соскочил на следующую ступеньку. Эрик в последний момент восстановил равновесие. Прислушался: сердце его сильно билось. «Осталось всего три ступеньки, всего три», — подумал он.

И стал спускаться дальше, следя за каждым своим движением. Через несколько секунд он уже стоял перед входной дверью. Осторожно поставил чемодан на пол. Повернул ручку, та легонько щелкнула. Он поджал губы. И замер, не осмеливаясь обернуться. Но в кухне было тихо. Вдруг Эрик услышал, как зашумела вода в раковине. Он глубоко вздохнул. Открыл входную дверь, схватил чемодан и бросился бежать по направлению к остановке грасбергских автобусов.

Глава 17

Автобус до Бремена

Эрик Фоглер очень быстро перешел на другую сторону улицы. Колесики его чемодана «Шантель» громыхали по мостовой и бороздили лужи, через которые юноша его катил. Небо было покрыто тучами, по-прежнему дул неприятный ветер, собирался дождь. «Меньше десяти минут до отправления», — думал внук Берты, ускоряя шаг. Юноша добрался до парка, вошел внутрь. Его предстояло пересечь, чтоб оказаться на автобусной остановке Грасберга. Как только он сядет в автобус до Бремена, кошмар этих последних дней останется позади.

На выходе из парка он услышал, что кто-то зовет его по имени. Эрик мгновенно узнал этот голос.

— Фоглер, Фоглер, подожди меня!

Альберт Циммер с другого края парка махал ему рукой, чтоб он обернулся. Но внук Берты сделал вид, что ничего не слышит, и ускорился.

— Фоглер, ты куда? — закричал сосед и побежал к нему по одной из тропинок.

Снова услышав вопли Альберта Циммера, Эрик оглянулся и увидел, как фигура соседа, стремительно приближаясь, несется меж деревьев и кустов. Он выпучил глаза от ужаса.

Если Циммер догонит его, он не успеет на автобус. Он на секунду остановился, чтоб половчее перехватить

свой чемодан, и припустился бежать со страшной скоростью. Молодой человек так нервничал, что пересек улицу не глядя. Ему повезло: в этот момент на ней не было машин. На тротуаре, все так же бегом, он едва не столкнулся с женщиной — та погрозила ему зонтом.

Фоглер вглядывался в даль. Он уже различал перед собой автобусную остановку. Тогда он вдохнул побольше воздуха и, вцепившись в чемодан, понесся дальше. У него болели ребра, дыхание прерывалось, в боку покалывало. Дышать он уже почти не мог. «Мой «Шантель» слишком тяжелый», — думал юноша. Но ничего другого не оставалось, кроме как бежать вперед, если он хочет удрать из этой деревни, от бабушки и, прежде всего, от Альберта Циммера.

Он вспомнил пугающую улыбку своего соседа, клыки, торчавшие с обеих сторон. И изо всех сил сжал чемодан «Шантель». Преследователь уже выходил из парка и не оставлял попыток догнать его. Внезапно из-за угла улицы показался автобус. Циммеру, который как раз собирался пересечь ее, пришлось резко остановиться и переждать. Автобус проехал совсем рядом, водитель осуждающе покачал головой.

Эрик тем временем получил небольшое преимущество и стоял на остановке, вцепившись в чемодан и переводя дыхание. С усиливающимся беспокойством внук Берты переводил взгляд со своего преследователя на медленно приближавшийся автобус и обратно. Потом впился взглядом в лобовое стекло. И тут он увидел на нем табличку «Бремен». «Наконец-то, хоть немного повезло!» — сказал он себе.

Как только открылась дверь, он торопливо поднялся в салон и оплатил билет.

— Давай, давай, поехали уже! — цедил сквозь зубы Эрик, не отводя взгляда от двери, все еще открытой.

Автобус тронулся ровно в тот момент, когда Альберт поравнялся с ним. Дверь закрылась прямо у него перед носом. Молодой человек пнул воздух в знак возмущения, водитель в ответ сурово посмотрел на него через зеркало заднего вида. Кажется, Альберт Циммер сжимал в левой руке какой-то предмет, он несколько раз помахал им в воздухе, когда понял, что потерпел неудачу.

Убрав чемодан на багажную полку, Эрик рухнул на переднее сидение возле окна. Ему не хотелось оглядываться. Он подпер голову левой рукой и закрыл глаза. Сердце продолжало бешено колотиться. Тут он услышал сигнал своего мобильного телефона. Пришло сообщение. Отец писал, что они уже совсем скоро увидятся и что надо еще немного потерпеть бабушку. Прочитав эти слова, Эрик устыдился. Узнав, что юноша сбежал из Грасберга, отец устроит ему небывалый скандал.

Автобус продолжал ехать в Бремен. Колеса потихоньку преодолевали километр за километром. Сердце Эрика стало биться в обычном ритме. Город все приближался.

Внук Берты тяжело вздохнул. Глядя через лобовое стекло автобуса, он различил перед собой пригороды Бремена и не смог сдержать улыбки облегчения. Он избавился от Альберта Циммера, от бабушкиных проповедей, от влажных матрасов и одеял с катышками, от бессонных ночей и — почему бы не дополнить список разом, — быть может, он также оставил в Грасберге призрак Зандры Надель. Эрик вспомнил окровавленную фигуру белого короля и встряхнул головой, чтобы

стереть этот образ из мыслей. Ему надо забыть о бременских преступлениях. «Это не мое дело», — подумал он. И приняв твердое решение занять голову чем-то другим, стал искать музыку на мобильном телефоне.

Через некоторое время водитель остановил автобус на конечной остановке. Эрик рассматривал улицу, витрины магазинов, тротуары, молчаливых прохожих, которые шли мимо, погруженные в свои мысли. Наконец-то он приехал в Бремен!

Он спустился по ступенькам автобуса, ощущая себя свободным: ведь он победил Альберта Циммера и избавился от призрака Зандры Надель. Позади остались ужасы, о которых он желал поскорее забыть, остался Грасберг и эксцентричная бабушка. Он позвонит ей, как только доберется до дома, чтоб она не беспокоилась. Наверняка в глубине души она обрадуется, что внук убрался в Бремен. Или, по крайней мере, ему так хотелось думать, чтобы не испытывать чувства вины.

Вскоре он ощутил на лице первые капли дождя. Достал зонтик, раскрыл его и наклонил свой чемодан. Колесики заскользили по асфальту вслед за хозяином багажа.

Бременский автобус беззвучно стоял посреди города. Казалось, фарами он провожал молодого человека, уходящего прочь под черным зонтом.

Глава 18

Потерянные ключи

Незадолго до того, как свернуть на свою улицу, Эрик сунул руку в правый карман брюк и обнаружил, что ключей от дома в нем нет.

Он спрятался от дождя под навесом какого-то магазина. Закрыл зонт и поставил его на землю, прислонив к стеклу витрины. Потом выпустил из руки чемодан «Шантель» и стал рыться в карманах пальто и брюк. Обыскав и те, и те и убедившись в том, что ключей нигде нет, юноша занервничал.

— Где же они? — спрашивал он себя, расстегивая пальто, чтобы добраться до внутренних карманов. Он расстегнул обе молнии и пощупал пальцами в каждом, но безуспешно. В процессе поисков нашел листок со стихами Гёте, мобильный телефон, кожаный кошелек для мелочи, три медовых леденца от кашля, шелковый платок со своими инициалами... А ключей — ни следа.

«Может, они выпали, пока я убегал от Альберта Циммера?» — внезапно подумал Эрик, приподнимая брови. Потом он засопел и еще раз проделал все то же самое, ища брелок с ключами. Через пару минут ему пришлось смириться с мыслью, что он их потерял.

Внук Берты представил, как они валяются в парке Грасберга. «Черт побери! А теперь что мне делать?» —

мысленно спросил он себя, прислоняясь спиной к витрине магазина. На какое-то мгновение ему показалось, что все пропало.

— Я беглец, — сказал он сам себе, — бабушкин дом далеко, отец в Нью-Йорке, ключей нет, дождь льет без конца.

— Парень, не прислоняйся к витрине! — внезапно закричал какой-то пожилой господин, выглядывая из двери часового магазина.

Испуганный криком хозяина, молодой человек выпрямился и взглядом попросил прощения. Он не знал, что ему делать, и вошел в расположенное неподалеку уютное кафе, чтобы спрятаться там от холода и дождя. Заказал ананасовый сок безо льда — и тут вдруг на губах его появилась улыбка. Решение есть. Он вспомнил, что отец обычно оставлял связку ключей у соседа, когда они отправлялись в путешествие или уезжали куда-нибудь на каникулы. «Господин Адлер мне откроет!» — вздохнул он, успокаиваясь.

Эрик молча наслаждался этой маленькой победой, потягивая сок. Время от времени в голове его возникал образ бабушки, и он думал о том, что надо будет ей позвонить, как только он придет домой. Он не хотел делать это с мобильного. Юноша еще не очень хорошо представлял, что ей скажет и как объяснит свое внезапное бегство, а дома он почувствует себя в безопасности и сможет собраться с духом, чтобы обосновать свое поведение. Через некоторое время он допил свой сок, глядя на дождь через окна кафе.

Когда молодой человек уже почти успокоился, его стали обуревать многочисленные сомнения. А вдруг сосед уехал в отпуск? Что тогда делать? Как ему по-

пасть в квартиру? Где ночевать? Он встал с табурета и рассеянно заплатил официанту. «Единственное, что мне нужно, — повторял он, — это чтобы господин Адлер сегодня оказался дома».

На выходе из кафе Эрику снова пришлось раскрыть зонт. Стемнело, на тротуарах зажглись фонари.

По пути домой юноша проходил мимо одного перекрестка. Он взглянул направо. Вон на той улице находится шахматный клуб, куда наведывались Зандра Надель, Лео Кляйн и Конрад Браун. По шее у него побежали мурашки. Он поднял воротник пальто, укрывая горло, и решительным шагом двинулся вперед.

Вскоре молодой человек добрался до своей улицы. Их с отцом квартира находилась в доме с двумя жилыми этажами, на первом, по соседству с господином Адлером. А на втором было еще две квартиры: одна давно уже пустовала, а вторая, располагавшаяся как раз над Фоглерами, принадлежала пожилой госпоже Урсуле Ромер.

Как раз когда Эрик собирался подняться по лестнице в подъезд, дверь открылась, и на пороге показалась госпожа Ромер. Соседка поприветствовала его легким кивком и стала поправлять шляпу. Юноша кивнул в ответ, придерживая для нее дверь.

— Погода жуткая! Всю пасхальную неделю не переставая льет дождь, я так никогда не выздоровею от этой простуды! — возмущенно воскликнула госпожа Ромер, глядя на крупные капли дождя, барабанившие по крышам Бремена. — Спасибо, Эрик!.. Гляди-ка, да ты из путешествия прибыл! — проговорила она, разглядев его чемодан.

— Э-э... да, да... Мы уезжали на несколько дней, — нашелся он.

— А твой отец?

— Отец? — растерянно повторил Эрик. — Отец, конечно, тоже вот-вот приедет. Мы возвращаемся с каникул... только что из аэропорта, — заключил он.

— А куда вы ездили на сей раз? — спросила она, доставая из кармана пальто платок, чтобы высморкаться.

— В Нью-Йорк.

— Нью-Йорк!.. Я была там много лет назад с мужем, — вспомнила она с грустью, скатывая платок в комок и пряча его в рукав кофты. — Мы были в восторге от него. Хорошо провели время?

— Потрясающе, потрясающе!.. Ну ладно, очень рад был повидаться, — сказал Эрик, намереваясь отделаться от соседки. — Как у вас тут дела? — спросил он, входя в подъезд, деланно улыбаясь и стараясь выглядеть любезным.

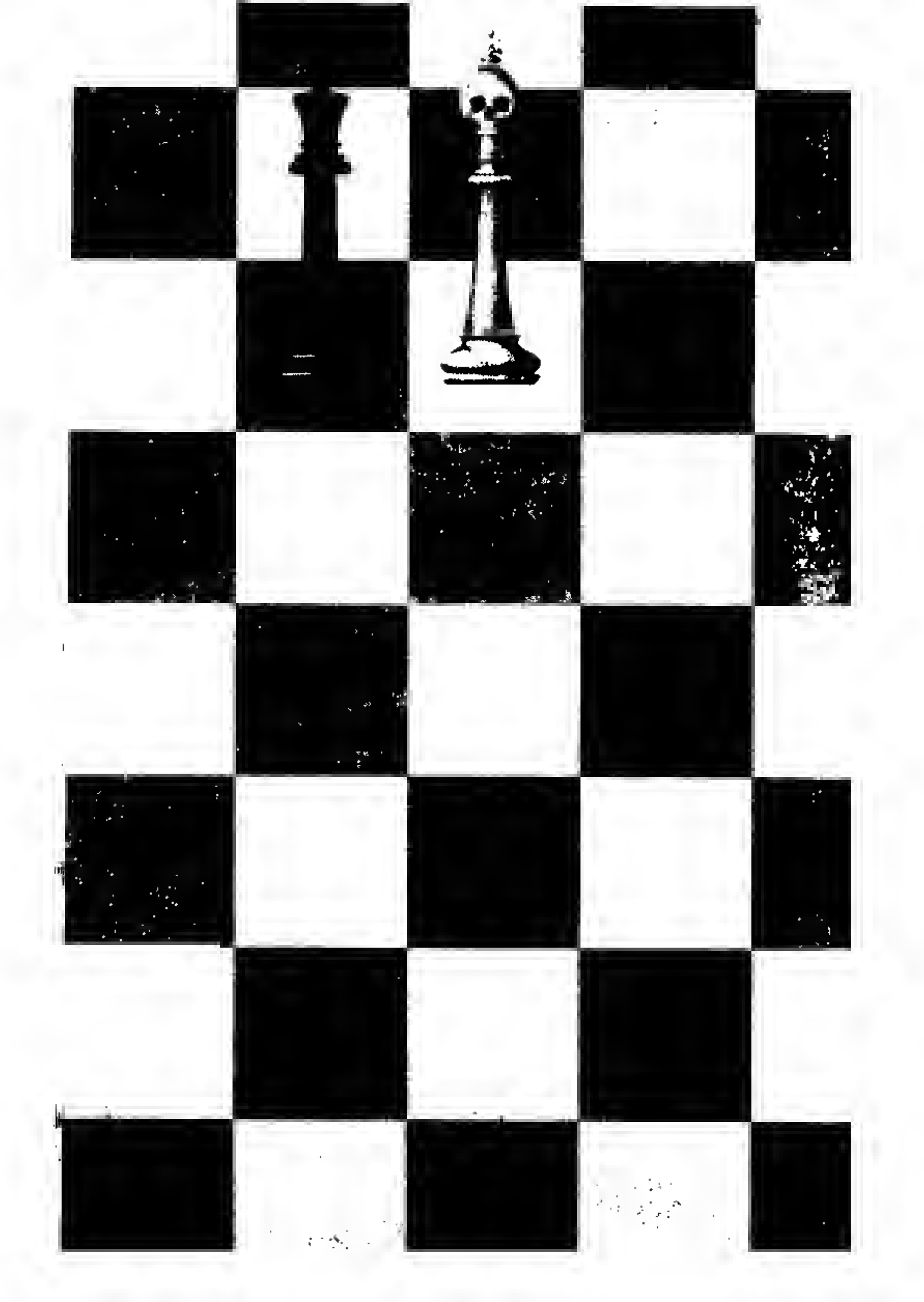
— Все хорошо, все хорошо, — ответила госпожа Ромер. — Ну, — призналась она, прежде чем раскрыть зонт, — я, конечно, немного обеспокоена последними известиями.

— Какими известиями?

— Да убийствами этих подростков. Не знаю, в курсе ли ты, но несколько дней назад в Гамбурге нашли мертвой девушку. Ее звали Зандра Падель, и она была внучкой моей близкой подруги. Ее семья живет в Бремене. Я как раз сейчас иду к ней, чтобы выразить соболезнования. Как жалко! — вздохнула она. — Ее внучке было всего пятнадцать лет...

Эрик не знал, что сказать. Он побледнел и стал смотреть, как старушка спускается по лестнице на

тротуар. И не шевелился, пока она не затерялась среди прохожих на улице. Тогда молча, не без некоторого труда, он поднялся по ступенькам на первый жилой этаж здания. Докатил чемодан до лестничной площадки перед дверью господина Адлера. Позвонил в звонок. В квартире было тихо. Он позвонил еще раз.

Глава 19

Неприятный сюрприз

Эрик Фоглер покусывал нижнюю губу. Он в третий раз нажал на кнопку звонка. В квартире соседа по-прежнему царила тишина. На какое-то мгновение юноша стал опасаться худшего. «Наверное, господин Адлер уехал в отпуск. Возможно, тоже отправился в Нью-Йорк и сейчас ужинает в том же самом ресторане, что отец. Что мне тогда делать?» — спрашивал он себя, понурив голову. Вернуться в дом бабушки — самое последнее, к чему юноша мог прибегнуть. Это он отчетливо понимал. Но где ночевать?

В подавленных чувствах он рухнул на одну из ступенек, положив голову на чемодан. И тут по ту сторону двери раздались шаги. Они постепенно приближались. Потом послышались щелчки медленно открывавшегося замка. Эрик вскочил и одним прыжком оказался перед дверью. Он улыбался. Оказывается, господин Адлер не уехал в отпуск, и вовсе он не в Нью-Йорке. К счастью, он остался в Бремене, и у него дома есть связка ключей. Внук Берты стал дышать спокойнее.

— Добрый день, господин Адлер.

— Эрик? Ты что тут делаешь? — спросил сосед удивленно. — Отец сказал мне, что вы едете в Нью-Йорк и вернетесь только в субботу поздно вечером.

— Уфф! — выдохнул юноша. — Это длинная история! В общем, я не смог с ним поехать, потому что он

все перепутал, когда заказывал билеты, и я все эти дни провел у бабушки в Грасберге.

— А твой отец?

— Он по-прежнему в Нью-Йорке, вернется только завтра, а я сегодня, в довершение всего, по дороге в Бремен потерял свои ключи. И теперь не могу попасть домой. Вы можете отдать мне те ключи, что оставлял у вас мой отец?

— Конечно, само собой. Но ты проходи, пожалуйста. Не стой за дверью. Франк оставил мне их за пару дней до отпуска, как всегда. Они должны быть где-то здесь...

— Спасибо, — ответил Эрик, входя.

Он как-то бывал в этой квартире вместе с отцом. Заходили совсем ненадолго, обсудить какие-то вопросы, касавшиеся дома, или же чем-то помочь по-соседски. В любом случае, гостиная, куда он вошел, пока господин Адлер отправился за ключами, была молодому человеку знакома. Он снял пальто и стал дожидаться соседа.

— Наверное, я положил их в кабинете, пойду поищу. Присаживайся на диван, Эрик, ты выглядишь усталым, — предложил господин Адлер и исчез в коридоре квартиры.

Эрик последовал его совету, устроился поудобнее и глубоко вздохнул. В Бремене стемнело, дождь продолжал стучать по оконным стеклам гостиной. Перед диваном стоял прямоугольный деревянный столик, заваленный книгами. Он стал рассматривать издания: некоторые были раскрыты, Эрик мог видеть закладки, пометки на полях. Другие стояли стопками, похоже, готовыми в любой момент развалиться. В первой стопке он обнаружил, среди прочих, Уильяма Шекспира, Байрона, Диккенса и Вирджинию Вулф. Во второй на корешках книг фигурировали имена Керуака, Стейнбека, Трумана Капоте и Артура Миллера. В третьей — Бодлер, Рильке, Маргерит Дюрас, Кафка, Солженицын, Чехов и на самом верху — Гёте.

Взгляд Эрика задержался на этой книге, увенчавшей третью стопку. Под именем поэта стояла наклейка с библиотечным номером. Экземпляр, который молча рассматривал юноша, принадлежал Бременской публичной библиотеке.

Не сводя глаз с этикетки, внук Берты полез во внутренний карман пальто, нервно шевеля пальцами. Он искал в своем блокноте номер книги, взятой в библиотеке Зандрой Надель в день ее исчезновения. Юноша быстро-быстро листал странички и, наконец, нашел нужную. Прочел номер, переписанный в таверне Вернера.

— Не может быть, не может быть! — повторял он тихонько, держа в руках книгу Гёте.

В ужасе он снова посмотрел на наклейку. Сомнений нет: идентификационный номер совпадает. Это та самая книга Гёте, о которой ему говорил Альберт Циммер, книга убитой девушки.

Не осмеливаясь открыть издание, Эрик представил себе, что где-то там, среди страниц, есть и «Пляска мертвецов», строки из которой кто-то положил ему на подушку. Он почувствовал, как кровь стынет в жилах.

— Я нашел ключи! — внезапно раздался голос господина Адлера из другого конца квартиры.

Услышав эти слова, внук Берты перепугался и подскочил на диване. В коридоре раздались шаги соседа, они приближались. Эрик убрал блокнот в карман

и поспешно положил книгу на место. Сердце его сильно билось. Шаги господина Адлера вдруг замерли где-то в районе кухни.

— Я как раз хотел попить чего-нибудь горячего, Эрик. Тебе чего: чаю или ромашкового отвара?

«Попить?» — подумал Эрик, не сводя глаз с входной двери. Единственное, чего ему в данный момент хотелось, — это как можно скорее покинуть дом господина Адлера. Но, чтобы сбежать оттуда, прежде нужно получить ключи. Так что надо взять себя в руки и сделать вид, что все в порядке. Он сжал кулаки, откашлялся и со всем хладнокровием, на какое только был способен, попросил отвар из ромашки, стараясь говорить погромче.

Вскоре в гостиной показался сосед с подносом в руках и попытался поставить его на стол. Поскольку свободного места там оставалось совсем мало, третья стопка книг обрушилась на пол.

Эрик немедленно встал на колени и, избегая смотреть в глаза соседу, стал собирать то, что упало. Господин Адлер последовал его примеру, и вскоре вдвоем они снова возвели башню из книг на ковре. Оставалась одна-единственная, раскрытая на середине. Внук Берты и господин Адлер одновременно схватились за нее. Одна страница была порвана: не хватало фрагмента баллады Гёте. Заметив это, Эрик отдернул пальцы, словно их свело судорогой от прикосновения к бумаге, словно обжегся о страницу.

— Да, тут все завалено. Извини за беспорядок, — попросил прощения господин Адлер, беря стопку книг в руки. — Пойду отнесу их в шкаф в кабинете. Сейчас вернусь. Если хочешь, добавь сахара в ромашку, пока она остывает, — предложил он, пристально глядя юноше в глаза.

— Большое спасибо, — ответил Эрик, хватая ложку и опуская ее в сахарницу.

Когда господин Адлер снова вышел из гостиной, молодой человек стал изо всех сил дуть на ромашку. Это поможет ему побыстрее выбраться из квартиры, по крайней мере, так он себя подбадривал. Между тем сосед вошел в кабинет и искал, куда бы поставить книги. Найдя место, он повернулся и склонился над музыкальным проигрывателем.

Пока Эрик неутомимо дул на отвар, чтобы остудить его, на устройстве стала вращаться старая пластинка. Господин Адлер осторожно поставил иглу и сделал звук погромче. Внук Берты тут же перестал дуть на свой напиток. Лицо его перекосилось. На всю квартиру зазвучала мелодия «Девушки и смерти». Вскоре сосед вернулся в гостиную и сел к столу, в одно из кресел. Он выглядел спокойным. Взял чашку с чаем, поднес к губам.

— Ох, какой горячий! — воскликнул он и поставил ее обратно на блюдечко.

Поглядев на Эрика, он спросил с любопытством:

— Как ты умудрился уже половину выпить? У меня — кипяток.

— Я немного подул, и уже не горячо, — ответил молодой человек, не переставая помешивать ложечкой.

— Тебе нравится классическая музыка, Эрик? — поинтересовался господин Адлер, скрещивая ноги и откидываясь на спинку кресла.

— Э-э... ну, немного.

— Знаешь эту мелодию? — спросил хозяин, указывая пальцем наверх.

— Нет, никогда не слышал, — соврал юноша и стал быстрее помешивать ложечкой.

— Это произведение Шуберта, от которого я в восторге. Называется «Девушка и смерть». Я могу часами слушать его, и не надоедает. Я знаю его наизусть.

Господин Адлер закрыл глаза и начал подпевать. Чайной ложечкой он водил в воздухе в такт музыке. Внук Берты смотрел на него в ужасе. Он понял, почему это произведение показалось ему столь знакомым, когда оно впервые зазвучало в доме бабушки, в Грасберге. Он наконец сообразил, где мог слышать его прежде.

У себя дома, через стену, смежную с квартирой господина Адлера. Призрак Зандры Надель всего лишь хотел предупредить его об опасности, которой он подвергался. «Наверняка ей пришлось послушать эту музыку перед смертью», — пораженный этой мыслью, юноша большим глотком допил отвар.

Стараясь казаться спокойным, Эрик стал взглядом искать ключи на столе гостиной. Ни следа. Сосед по-прежнему сидел, закрыв глаза, рисуя в воздухе арабески, с таким видом, словно дирижировал невидимым оркестром. Вдруг он открыл глаза и спросил:

— Умеешь играть в шахматы?

— Нет, совершенно, — ответил внук Берты, вскакивая с дивана.

— Надо же, какая жалость!

— Большое спасибо за ромашку, она была очень вкусная. Ну ладно, — добавил он, хватаясь одной рукой за ручку чемодана, а второй подбирая пальто, — мне уже пора домой... Вы мне дадите ключи?

Господин Адлер не унимался:

— Если хочешь, я тебя научу играть. В твоем возрасте я участвовал в международных турнирах и многие выигрывал. Думаю, ты стал бы настоящим гроссмейстером, — произнес он, изображая на лице улыбку, но взгляд его при этом оставался холодным и бесчувственным.

— Может быть, в другой раз, я сегодня очень устал, — отговорился Эрик, отступая к входной двери.

— Ну хорошо, как скажешь. Но знай: если захочешь освоить эту игру, я тебя научу. Я хороший шахматист.

— Не сомневаюсь, — ответил Эрик твердо.

Господин Адлер быстро поднялся с кресла. Внук Берты ощутил дрожь в ногах, когда пересекал порог гостиной и направлялся к выходу из квартиры. Несмотря на пожирающий его изнутри страх, Эрик Фоглер решительно двинулся вперед. Позади раздавались шаги господина Адлера, провожавшего его до двери.

Оба остановились. Их разделяло совсем небольшое расстояние. Сосед внимательно рассматривал его на протяжении нескольких секунд, показавшихся Эрику вечностью. Затем, погладив бородку, господин Адлер сунул руку в карман брюк, достал ключи и помахал ими в воздухе перед лицом молодого человека. Подавив в себе желание вырвать их из рук соседа, внук Берты дожидался, пока тот отдаст ему ключи от его квартиры. Однако господин Адлер прислонился к двери и молча смотрел на него. Из глубины комнат продолжала звучать «Девушка и смерть».

Глава 20

Белый король

Господин Адлер стоял, прислонившись спиной к входной двери, и поигрывал ключами Франка Фоглера. Внук Берты был уверен: сердце его вот-вот разорвется на части.

— Когда, говоришь, возвращается твой отец? — спросил сосед, глядя на юношу сверху вниз.

— Завтра. Вы можете отдать ключи? Мне уже пора идти, — повторил Эрик, стараясь, чтобы тон его не был похож на мольбу.

— Конечно.

Господин Адлер отошел от двери и протянул ему связку. На какое-то мгновение Эрик подумал, что тот сейчас поднимет ключи повыше, чтоб он не смог достать, словно играл в какую-то жестокую игру. Но сосед этого не сделал. Напротив, он бережно положил их на ладонь Эрика и любезно улыбнулся.

Юноша открыл дверь и, не поворачиваясь спиной к соседу, пересек порог, пятясь, сделал несколько шагов. Ему удалось выбраться в коридор. Всего пара метров отделяла его от своей квартиры. Господин Адлер молча смотрел на него. Подойдя к своей входной двери, Эрик выбрал один ключ и, стараясь унять дрожь в пальцах, поднес его к замочной скважине. В это самое мгновение маленький клочок бумаги вылетел из пальто молодого

человека и приземлился на пол. Сосед поспешил поднять его.

— Погоди, у тебя что-то выпало! — сообщил он, наклоняясь.

Юноша в ужасе обернулся. Ключ, наконец, вошел в замок. Через несколько секунд Фоглер скрылся за дверью, захлопнув ее перед самым носом у соседа.

— Эрик, Эрик, у тебя из пальто выпала какая-то бумажка! — прокричал тот, прижимаясь своими полными губами к двери молодого человека.

Но по ту сторону все было тихо. Внук Берты стоял, словно парализованный, прижавшись к стене прихожей. Он понял, что это за бумажка, как только она упала на пол. И мог только молиться, чтобы сосед не рассмотрел ее. Он задержал дыхание.

Однако после недолгих колебаний господин Адлер развернул листок, который держал в пальцах. Перед его глазами появились три строки, вырванные из книги Гёте:

Но кончено все... Зацепясь на лету,
Холст виснет на глыбе стрельчатой.
Тут колокол дрогнул на башне как раз...

Тем временем Эрик Фоглер достаточно набрался храбрости, чтобы вставить ключ в замок, запереть бронированную дверь изнутри и поглядеть в глазок. Отсюда он мог подсматривать за соседом.

То, что он увидел через маленькое стеклышко, повергло его в еще больший ужас. Господин Адлер молча читал стихи, переданные Эрику призраком Зандры Надель. Голубые глаза соседа неторопливо рассматривали каждое слово, пока не дошли до

конца послания, после чего он уставился на дверь Эрика.

Молодой человек дрожал, ноги его подкашивались. Он медленно отодвинулся от двери и пошел вглубь квартиры. Один шаг, затем второй, третий — и тут он споткнулся о свой чемодан «Шантель». Господин Адлер услышал шум и аккуратно сложил листок со строками из Гёте. Потом он подошел поближе и стал с силой колотить в дверь Фоглеров.

— Где ты достал этот листок? Вырвал из моей книги, верно? — спрашивал сосед, с трудом сдерживая гнев. — Эрик, я знаю, что ты там... Открой дверь, черт возьми! — прокричал он.

Внук Берты едва дышал. Голос соседа проникал через дверь, и в груди у юноши все сжималось от страха. Господин Адлер снова наклонился к двери. Через несколько секунд он изменился в лице: оно побагровело, глаза налились кровью, на шее вздулась вена.

— Ну ладно, хорошо. Пусть так. Значит, ты не откроешь? — произнес он, кладя руки на дверь. — Так тебе нравится играть, да? Ну, давай поиграем... Я буду белым королем.

Услышав угрозу соседа, Эрик Фоглер понял, почему призрак Зандры Надель положил в его постель именно эту шахматную фигуру, и никакую другую. Господин Адлер — белый король. И, конечно, кровь на ней принадлежала убитой девушке.

Внук Берты отошел подальше от входной двери и побежал по коридору. Он спрятался в своей спальне и, несмотря на то, что дрожал с ног до головы, сумел достать из кармана пальто мобильник. Нашел в блокноте номер домашнего телефона бабушки. Набрал его и перевел дух. Раздался первый гудок.

«Боже, пожалуйста, пусть она будет дома!.. Давай, давай, отвечай, бабушка!» — повторял Эрик. Он услышал второй гудок, потом третий. Шли секунды, казавшиеся бесконечными. В грасбергском доме продолжал звонить телефон. Но некому было снять трубку.

Эрик тяжело вздохнул и посетовал, что бабушка отказывалась завести мобильник. «Эта штука ни на что не годится! Дурацкое изобретение!» — говорила Берта всякий раз, как ей хотели подарить его. Тогда юноша решил позвонить отцу. Но что сказать? Франк Фоглер в Нью-Йорке, в нескольких тысячах километров. Оттуда он не сумеет помочь сыну. А кроме того, что Эрик сообщит отцу?.. Что ему явился призрак убитой девушки? Что он сбежал из Грасберга, не предупредив бабушку? Вернулся в Бремен, ни у кого не спросив разрешения? Что их любезный сосед господин Адлер оказался серийным убийцей?

А белый король тем временем вернулся к себе в квартиру. И направился прямо в кабинет. Там он разыскал книгу Зандры Надель и нашел порванную страницу. Убедился, что клочок бумаги, выпавший из кармана Эрика Фоглера, — как раз и есть недостающий фрагмент. «Что знает этот мальчик? — спрашивал он себя, заинтригованный. — Почему он вот так сбежал?» Видя странную реакцию юноши, господин Адлер был уверен, что Эрик его вычислил, хотя и не понимал, каким образом это ему удалось. Нельзя рисковать, чтоб юноша с кем-либо поговорил и рассказал о своих подозрениях. Если он это сделает, все пропало. «Нужно прикончить его поскорее!» — сказал себе господин Адлер, пристально глядя на шахматную доску, стоявшую на полочке под окном.

Потом он подошел к проигрывателю и снял иглу. Мелодия в то же самое мгновение оборвалась, и стало слышно, как капли дождя бьют по оконным стеклам. Сосед Эрика очень аккуратно снял пластинку с произведением Шуберта и убрал ее в конверт. Выключив проигрыватель, он с серьезным лицом подошел к столу, стоявшему в углу комнаты. Наклонился, открыл один из ящиков. Внутри лежали многочисленные вырезки из немецких газет с заметками об исчезновении и смерти трех молодых людей из Бремена.

Он приподнял эти листочки и стал рыться под ними до тех пор, пока не обнаружил пластиковый пузырек с хлороформом и платок. Потом он повернул ключ в замке стола и снял столешницу. В углублении лежало несколько ручек, кожаные перчатки, две чернильницы, маленький прошлогодний календарик, карманные часы, конверты и бумага для писем. Он достал перчатки, легонько погладил их.

В этот момент он вспомнил, как в день своего исчезновения юная Зандра Надель сидела у окна его кабинета, окаменевшая от ужаса, парализованная им, и смотрела на шахматную доску, которую он поставил перед ней. «Она не слишком хорошо играла, но все-таки была лучшей из троих», — подумал он, прокручивая в голове последние мгновения той зловещей партии. Он медленно подошел к шахматной доске, взял фигуру белого короля и улыбнулся.

Господин Адлер получал удовольствие, побеждая их одного за другим. Несомненно, Лео Кляйн оказалась самым слабым противником. Конрад Браун сопротивлялся до конца. «Это была очень эмоциональная партия», — повторил он, вспоминая приятеля Зандры Надель. Внезапно прогремел гром, пробуждая

господина Адлера от его мрачных мыслей и возвращая его к реальности. Он сосредоточился на Эрике Фоглере. «Что мне с тобой делать, Эрик? Ты даже не умеешь играть в шахматы», — посетовал он, качая головой и надевая перчатки. Потом убрал в карман брюк пузырек с хлороформом и платок. И, наконец, не оглядываясь вышел из квартиры.

Эрик Фоглер сидел на корточках в углу своей комнаты, там он чувствовал себя в большей безопасности. Руки его вспотели, в них он держал мобильный телефон. Но он не знал, что делать. Звонить отцу он раздумал. Бесполезно. Зато юноша еще несколько раз набрал номер бабушки. Все попытки оказались напрасны. В грасбергском доме никого не было. Он раскаивался в том, что сбежал из Грасберга, самостоятельно вернулся в Бремен и не дождался приезда отца. «Ах, если б я остался с бабушкой», — в отчаянии повторял он про себя.

Неподалеку прогремел гром. Внук Берты глядел в окно своей комнаты. Тут ему вспомнились слова господина Адлера, его металлический голос, доносившийся через дверь квартиры: «Так тебе нравится играть, да? Ну давай поиграем... Я буду белым королем».

Эрик знал: нужно что-то предпринять, пока еще не слишком поздно, — поэтому, несмотря на страх, он решил набрать номер полиции. Но как раз в этот самый момент с балкона гостиной раздался звук разбивающегося стекла, и Эрик замер от ужаса.

Глава 21

Гнев Берты Фоглер

Альберт Циммер бежал к остановке автобуса до Бремена вслед за внуком Берты. Несмотря на все свои попытки, ему не удалось вовремя догнать юношу. Водитель тоже не пожелал ждать, напротив: он как будто был рад тому, что оставил Альберта на улице. Так что тот пнул воздух в знак протеста, и после этого ему ничего больше не оставалось, кроме как смириться и наблюдать, как автобус выезжает из Грасберга и направляется в город.

Тогда он подумал о том, что Эрик Фоглер — весьма странный тип, и представил себе его огорошенное лицо, когда тот приедет в Бремен и обнаружит, что потерял ключи от дома.

Альберт задумчиво пошел прочь от автобусной остановки. При этом он рассматривал связку ключей, лежавшую у него на ладони. И вспоминал, как молодой человек сломя голову убегал от него, вцепившись в свой чемодан. Как в какой-то момент ключи вылетели у него из кармана и приземлились на одну из парковых тропинок. Альберт несколько раз пытался сообщить об этом Эрику, размахивая руками, но тот не обратил внимания. «Чертов фрик!» — подумал он, переходя на другую сторону улицы и убирая ключи в карман брюк.

Берта Фоглер заканчивала прибирать на кухне, как вдруг услышала, как кто-то стучит в дверь. Открыв

ее, она обнаружила там того, кого ждала в гости сегодня днем.

— Привет, Альберт! — воскликнула она с улыбкой. — Ты как раз вовремя, чтобы сыграть партию. Проходи, пожалуйста, не стой там. Я сейчас крикну внуку, чтоб спускался, он наверняка, как обычно, заперся в своей комнате.

— Я как раз хотел поговорить с вами об Эрике, — перебил Берту молодой человек и взял ее за руку, чтобы остановить.

— Знаю, Альберт, знаю. Он немного... Ну вот, я не могу подобрать подходящего слова! — призналась она, отказываясь от своих попыток. — Но он неплохой парень.

— Речь не о том, — заявил юноша. — Я хотел сообщить вам, что только что видел, как ваш внук сел в автобус до Бремена. Я хотел с ним поговорить, но он, едва завидев меня, бросился бежать, и я не смог его догнать. Он вел себя очень странно. Кроме того, он выронил в парке ключи, — добавил Альберт, показывая ей связку.

— Да что ты такое говоришь! — воскликнула Берта, хватаясь руками за голову и делая над собой усилие, чтобы осознать смысл услышанного. — Так значит... — размышляла она, глядя на лестницу, — Эрик не у себя в комнате?

Альберт Циммер медленно покачал головой и вручил ей потерянные ключи.

— Боюсь, что нет, госпожа Фоглер. Позовите его, если хотите, но я уверен: он вам не ответит. Ваш внук сейчас едет в Бремен, — сказал юноша. — Он вскоре доберется до города, но он ведь даже не понял, что остался без ключей.

— Поверить не могу!.. Я говорила его отцу: привезти Эрика в Грасберг — не лучшая мысль, — но Франк так уговаривал, — посетовала она вслух. — Вчера я велела ему не выходить из дома без моего разрешения. И что, послушал он меня? Как бы не так! Молодой человек садится в автобус и едет в Бремен, не сообщив мне... Получит он у меня, когда я его снова увижу! Ох и получит! Этого нельзя так оставлять! Если он думает, что на сей раз все сойдет ему с рук, то он очень сильно ошибается. Ну я задам ему жару! — крикнула она, разыскивая на вешалке свое пальто и торопливо наматывая на шею шарф.

Берта Фоглер чувствовала, что у нее от гнева пылают щеки.

— Пойду подгоню свой микроавтобус. Ты со мной?

— Ну... пожалуй.

— Телефон там, если хочешь, предупреди родителей, — предложила она, вешая на плечо огромную сумку.

— Нет, в этом нет необходимости. У меня есть мобильный, позвоню по дороге в Бремен.

— Хорошо. Возьмем с собой зонт. Достань, он вон где,— попросила она, указывая на стойку для зонтиков, стоявшую рядом с входной дверью. — Чем раньше мы отправимся в путь, тем лучше.

Они вместе пошли в гараж, где у Берты Фоглер стоял старый микроавтобус, который, казалось, вот-вот развалится.

На полу машины валялись грибы, ягоды и всякие овощи. За долгие годы там накопился слой земли, семян, травы и камней разного размера. Поэтому бабушка Эрика всякий раз надевала горные ботинки, садясь за руль этой рухляди.

Прежде чем устроиться на пассажирском сиденье, Альберт Циммер снял с правого зеркала липкую паутину. Затем он потянул за ржавую ручку и открыл дверцу. Сиденье было завалено какими-то бумажками, чеками, несвежими носовыми платками, пустыми пластиковыми бутылками, кассетами с музыкой из прежней жизни и бесконечным количеством всякого хлама.

— Извините, дело в том, что...

Он не знал, как устроиться на горе барахла.

— Закидывай все туда и садись уже! — поторопила его Берта, указывая на заднюю часть микровтобуса и нажимая на педаль газа.

— Я сейчас, сейчас! — ответил юноша, расчищая себе место среди мусорных джунглей.

— Давай быстрее!

Следуя указаниям бабушки Эрика, Альберт Циммер освободил свое сиденье от хлама. Он сбросил все назад, наблюдая, как вещи приземляются в разных углах микроавтобуса. Потом, наконец, пристегнулся.

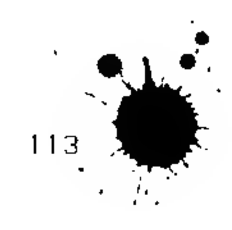
Выхлопная труба стала издавать какие-то пукающие звуки. И под их аккомпанемент они вместе двинулись в Бремен.

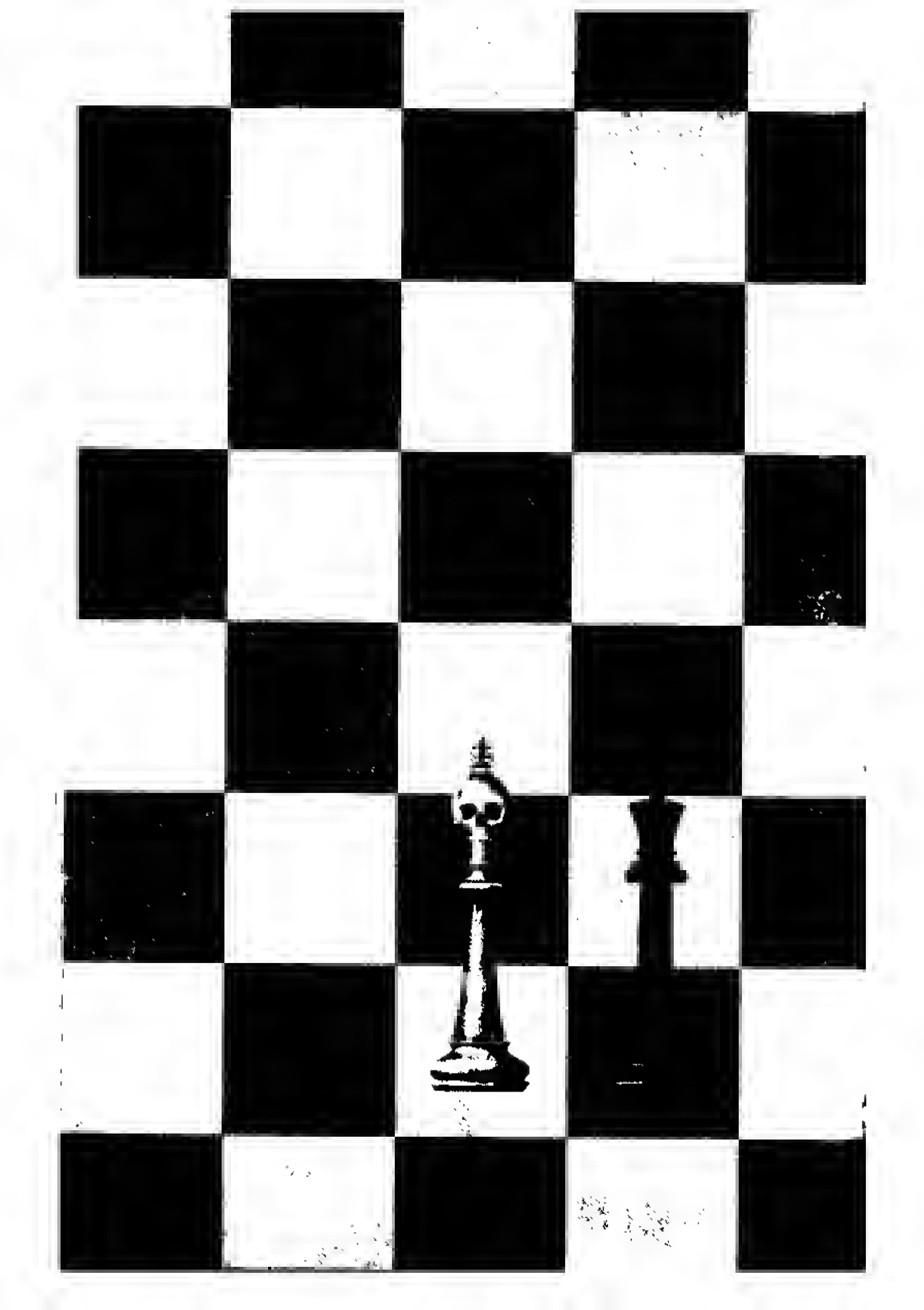
Потоки дождя лили на лобовое стекло микроавтобуса, и единственный стеклоочиститель с трудом справлялся со своей работой. На протяжении нескольких минут Альберт Циммер постоянно спрашивал себя: как этой женщине удается разглядеть дорогу через плотную пелену воды? Не подозревая, о чем думает молодой человек, бабушка Эрика вытянула шею и почти не моргала. И хотя вид у нее был такой, словно она мчится на огромной скорости, ясно было,

что ее микроавтобус едет не быстрее сорока километров в час.

Покуда Берта Фоглер жала на педаль газа своей развалюхи, а Альберт скрещивал пальцы, молясь, чтоб машина не свалилась в кювет, Эрик, слушая музыку на мобильном телефоне, ехал в Бремен на автобусе.

Поэтому, когда примерно час спустя он в отчаянии звонил домой бабушке, там не оказалось никого, кто мог бы ему помочь в том поистине роковом положении, в каком он оказался.

Глава 22

Во мраке

Эрик Фоглер услышал звук разбивающегося стекла на балконе гостиной и понял, что жизнь его подвергается опасности.

Он почувствовал, как сердце его на мгновение замерло, и подумал, что оно уже никогда не забьется снова. Бременский убийца проник в его дом, и он, Эрик, станет его следующей жертвой.

«Придумай что-нибудь, Эрик, придумай!» — вдруг сказал он сам себе.

Господин Адлер нашел способ попасть в квартиру Фоглеров: перелез через балкон своей спальни в столовую соседей. Руками в кожаных перчатках белый король осторожно вынул несколько осколков, чтобы открыть дверь. Наконец он просунул правую руку в полученное отверстие и опустил задвижку.

«Что же делать?.. Давай, Эрик, давай... Невозможно добраться до входной двери, не столкнувшись с ним! — рассуждал юноша, притаившись в своем убежище. Он вспомнил, что оставил ключи в замке. — Зачем я это сделал?» — посетовал он беззвучно. В сложившихся обстоятельствах было весьма рискованно бежать к двери. Сущее безумие. Господин Адлер ждет его именно там, готовясь схватить его своими железными руками, намереваясь в один миг прикончить его. Если двигаться к единственному выходу нельзя, то как ему выбраться из собственного дома?

Молодой человек открыл один из ящиков шкафа, стоящего у него в комнате. Достал оттуда небольшую коробку с инструментами. Вынул из нее отвертку и кусачки. Сунул отвертку под ремень своих брюк «Пассион» и добрался до шнура прикроватной лампы.

Тем временем господин Адлер раздавил ботинками несколько стекол, рассыпавшихся по полу гостиной.

— Партия начинается, — пробормотал белый король, доставая из кармана пузырек с хлороформом и платок.

Без дальнейших колебаний Эрик Фоглер изо всех сил сжал инструмент и перекусил шнур прикроватной лампы с целью вызвать короткое замыкание. Он молился, чтоб его план сработал.

И действительно, предохранители вылетели. В то же самое мгновение квартира погрузилась во мрак.

Что случилось? Господин Адлер замер, услышав этот неожиданный звук. Он на ощупь нашел выключатель на стене рядом с дверью на балкон. Несколько раз нажал — безрезультатно.

— Черт побери! — прошептал он и нахмурился.

Эрик спрятался за кроватью в спальне. Мобильный телефон дрожал в его руках. Он набрал номер полиции. Один гудок, два, три... Дыхание Эрика с каждым разом все учащалось. Легкие в груди работали так громко, что, казалось, их было слышно в комнате. Вдруг, когда он уже начал отчаиваться, на том конце линии отозвался женский голос.

— Вы позвонили в полицию Бремена.

— Мой сосед хочет меня убить! — прошептал Эрик, прижимая телефон ко рту.

— Успокойся, мальчик! — попросила оператор. — Откуда ты звонишь?

— Он вошел через балкон гостиной! — продолжал юноша в панике. — Он убил Зандру Надель и других ребят.

— Кого?

— Конрада, Конрада Брауна и Лео Кляйн. Я очень боюсь, я не знаю, что делать! Вы должны мне помочь!

— Продиктуй мне свой адрес, — повторила женщина.

Вспышка молнии осветила квартиру Эрика Фоглера. Белый король воспользовался этим, чтобы быстрым шагом пересечь гостиную. Затем очень тихо, как огромная кошка, он направился к входной двери. Его снова окружала тьма. Он вслепую добрался до двери. Медленно ощупал ее и пальцами наткнулся на ключи, оставленные внуком Берты в замочной скважине.

— Вуаля! — воскликнул он, убирая ключи в карман. — И как ты теперь сбежишь, Эрик? — пробормотал он, улыбаясь.

После этого господин Адлер нашел электрический щиток на стене рядом с входной дверью. По очереди стал включать предохранители, но свет в квартире не появился. Он в ярости прикусил нижнюю губу. Единственный способ решить проблему — это спуститься в подвал здания. Оказавшись там, нужно попасть в помещение со счетчиками и включить тумблер, подающий электричество в квартиру Фоглеров. Но белый король не располагал временем. Ему необходимо было поймать свою добычу, и эта непредвиденная ситуация злила его еще больше. Гроза, пришедшая в Бремен с севера, бушевала все сильнее.

Под таким ливнем Берта с трудом видела шоссе и тем более — указатели на въезде в город. Поэтому Альберт Циммер не удивился, когда в какой-то момент бабушка Эрика признала неизбежное:

— Мы заблудились! Я проехала поворот на Бремен! Я так давно не езжу в город...

— Не переживайте, мы можем попасть туда через следующий съезд. До него осталось немного, я заранее предупрежу вас, когда мы окажемся поблизости, — предложил Альберт, успокаивая ее.

— Но я ничего не вижу! — громко возразила она.

Под завесой ливня фары микроавтобуса очень слабо освещали полосу, по которой ехали путешественники. Другие машины без труда обгоняли их, обдавая потоками воды, она заливала стекла, еще больше усложняя задачу водителя.

— Хотите, позвоню Эрику со своего мобильного? — спросил Альберт Циммер, доставая телефон из кармана.

— Я не знаю на память номер его телефона, я даже не помню, куда записала номер его отца, — посетовала Берта, еще сильнее наклоняясь вперед.

Внезапно Альберт Циммер различил впереди указатель, который был им нужен.

— Вон туда! Направо, сворачивайте, сворачивайте! Вот этот съезд! Давайте, направо! — умолял он, размахивая руками, видя, что бабушка не реагирует на его слова.

— Туда? — неуверенно спросила она, меняя курс микроавтобуса.

— Да, да, мы же так его проедем!

В последний момент бабушка Эрика вывернула руль. Ехавший позади грузовичок звучно посигналил ей. Они чудом вписались в последний съезд с автострады к центру города. Альберт Циммер с облегчением вздохнул и воспользовался моментом, чтобы позвонить родителям.

Глава 23

Все ближе и ближе

Господин Адлер в полном мраке бесшумно шел по коридору квартиры Эрика. Левой рукой он касался стены, чтобы лучше ориентироваться. Коридор пару раз освещали сильные вспышки молний. Хотя на улице продолжал лить дождь, в доме по-прежнему царила полная тишина. Бременский убийца двигался очень медленно и чутко, готовый различить малейший шорох, которым его будущая жертва выдаст место, где прячется.

«Ты не можешь быть слишком далеко», — думал он, останавливаясь у первой двери. Затем он как можно осторожнее повернул ручку спальни Франка Фоглера и обыскал ее пядь за пядью. Войдя в комнату, он сразу же проверил, не прячется ли юноша за дверью. Затем медленно открыл платяной шкаф. Руки его скользили среди одежды, по полкам. Но ему не везло. Господин Адлер даже встал на четвереньки, чтобы заглянуть под большую двуспальную кровать. Через несколько минут он отмел версию, что мальчик прячется там. «Куда же, черт возьми, ты забрался, Эрик?» — спрашивал он мысленно.

Он вернулся в коридор. В этот момент прогремел гром, и эхо от него разнеслось по всему дому. Белого короля это не смутило. Скользя своими толстыми пальцами по стене, он продвинулся чуть дальше по

квартире. Через открытые двери комнат он различал какие-то силуэты, тени... И хотя предохранители вылетели, благодаря свету с улицы в помещении царила не полная тьма, а полумрак, к которому его глаза постепенно привыкали. В правой руке он по-прежнему сжимал пузырек с хлороформом и платок — их он использовал со своими предыдущими жертвами.

Однако, подойдя к одной из ванных комнат, господин Адлер почувствовал, что нога его скользит, и он ничего не может с этим поделать. Он попытался сохранить равновесие, схватившись за дверную раму. Все бесполезно. Ботинок убийцы уехал вперед, и его массивные ноги оторвались от пола. Он с грохотом рухнул на спину, глухо ударившись о дерево. И при этом, разжав руку, выронил пузырек с хлороформом: тот выскочил и покатился по полу. Платок упал рядом.

На протяжении нескольких секунд он ощущал острую боль в спине. Ему было трудно дышать и двигаться, ведь он рухнул всей тяжестью. Вдруг, продолжая все так же лежать в коридоре, белый король ощутил аромат мандарина и не мог понять, откуда он доносится. Сняв перчатки, господин Адлер коснулся пола подушечками пальцев левой руки и поднес их к носу. Их покрывала густая жидкость. Это был гель для укладки волос Эрика Фоглера.

«Это тебе дорого обойдется! Ты пожалеешь, что это сделал!» — в ярости мысленно пообещал белый король. Этот щенок определенно испытывал его терпение, и без того почти иссякшее. Так что смерть его будет мучительной. Пусть даже он будет умолять, как прочие жертвы, — никакой пощады! Напротив, прежде чем умереть, он будет страдать за то, что оказал

сопротивление, за то, что допустил мысль, будто может победить его, а уж он, белый король, позаботится о том, чтобы никто не услышал криков.

Господин Адлер с трудом поднялся с пола. Ползая на коленях, он не с первой попытки сумел отыскать пузырек с хлороформом, после чего убрал его в карман брюк вместе с платком. Он осторожно, как мог, встал на ноги и вошел в ванную. Почти вслепую отыскал за дверью пару полотенец. Меньшим из них вытер от геля руки, кожаные перчатки, подошвы ботинок и, кроме того, рукава и спину пиджака: туда тоже попало. Потом он бросил на пол в коридоре полотенце побольше, чтобы промокнуть остатки жидкого мыла.

Бременский убийца снова вышел в коридор. Шаги его стали осторожнее. Он подозревал, что Эрик может выкинуть что-нибудь еще: тишина, царившая в доме, казалась подозрительной. Он открыл дверь второй ванной комнаты. Но внутри не оказалось никаких следов внука Берты. «Остается только одна комната», — сказал белый король про себя и потянулся к карману, где у него лежали хлороформ и платок.

Спальня Эрика Фоглера оказалась закрытой, так что господину Адлеру пришлось повернуть ручку и тихонько толкнуть дверь, чтобы она приотворилась. Затем он выждал несколько секунд и вошел в комнату юноши.

— Я знаю, что ты прячешься тут... Тебе некуда бежать, Эрик.

Слышен был лишь шум грозы.

— Ты вот-вот проиграешь партию. Белый король загнал тебя в ловушку! Почему бы тебе не сдаться? Так будет проще...

В комнате по-прежнему царила абсолютная тишина, нарушаемая лишь раскатами грома и стуком капель по оконным стеклам. Вдруг бременский убийца обратил внимание на одну из занавесок. Как будто ветер с улицы раздувал ее, а потом она снова опадала. Действительно, балконная дверь оказалась открытой. Оглядевшись по сторонам, белый король направился к балкону. «Неужели ему хватило смелости прыгнуть или перелезть на другой?» — спрашивал он сам себя с беспокойством, сжимая в пальцах флакон с хлороформом.

Господин Адлер подошел к балконной двери, остановился в сомнениях. «Куда же ты запропастился, сопляк?» — повторял он, пытаясь успокоить расшалившиеся нервы. Он открыл дверь пошире и решил выглянуть на балкон. Как только убийца ступил на него, Эрик Фоглер, прятавшийся за шкафом в спальне, подбежал к двери. Собравшись с духом, юноша резко захлопнул ее и задвинул щеколду. Почти в тот же самый момент господин Адлер обернулся и обнаружил, что внук Берты испуганно смотрит на него через стекло.

Вспышка молнии на мгновение осветила лицо господина Адлера, на которое падали капли дождя. Голубые глаза белого короля впились в искаженное ужасом лицо внука Берты, разглядывавшего его с расстояния всего в несколько сантиметров. Эрик знал, что надо воспользоваться этой возможностью, чтобы убежать.

Несмотря на то, что на протяжении нескольких секунд его буквально парализовало от страха — ведь убийца находился так близко, — вскоре он снова пришел в себя и бросился бежать по коридору квартиры

в направлении гостиной. С быстротой молнии он пронесся через комнату. По дороге задел стул, тот упал на ковер. Потом он наступил на осколки, рассыпавшиеся возле двери.

Сердце его билось на пределе, он выскочил на балкон своего этажа и выглянул на улицу. «Невозможно, слишком высоко», — сказал он мысленно. Вода лилась ему на голову, приминая волосы. Значит, ему остается только перепрыгнуть на балкон господина Адлера. И времени совсем немного. Сосед наверняка ударом кулака разбил стекло в его комнате и уже идет разыскивать его. Юноша схватился за перила. Вдохнул побольше воздуха. Из-за дождя они были очень скользкими.

Тогда он подумал об отце и о бабушке, о том, что не попрощался с ними, о том, что полиция прибудет в его дом слишком поздно и что он не хочет погибать от руки безумца... Погруженный в эти мысли, Эрик шагнул через перила. При этом рука его соскользнула, и на мгновение ему показалось, что он теряет равновесие. Ему удалось снова ухватиться за перила обеими руками. В этот момент он услышал шум в гостиной, и страх снова парализовал его.

Белый король только что споткнулся о стул, который Эрик уронил на ковер.

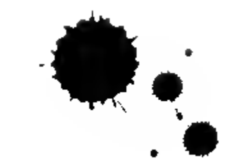
Внук Берты сглотнул слюну и перекинул через перила вторую ногу. И вдруг почувствовал, что рука господина Адлера легла ему на плечо. Сосед ухватил его за свитер и тянул вперед, к краю перил. Эрик Фоглер попытался вырваться из железных пальцев, сжимавших его одежду. Изо всех сил он дернулся назад. Рукав выскользнул из руки убийцы, но он успел ухватиться подушечками пальцев за его край. Видя, что

белый король не намерен выпускать его свитер, внук Берты снял его через голову, в результате господин Адлер остался стоять со свитером в руках, но упустил добычу.

В одной шелковой рубашке Эрик побежал к балконной двери соседа: тот, в соответствии со своим планом, оставил ее открытой. Пока белый король пытался перелезть через перила, юноша запер его дверь, пытаясь выиграть время. Ему необходимо добежать до двери квартиры, если он хочет выбраться оттуда живым. Если ему удастся выйти из здания, то у него есть шанс избавиться от всего этого кошмара.

В то же самое время пришло сообщение на мобильный телефон Эрика, оставшийся в спальне. Отец писал: «Как дела в Грасберге? Завтра вылетаю в Бремен. Увидимся в воскресенье. Веди себя хорошо с бабушкой. Целую».

Глава 24

Последний замок

Вот уже несколько лет Берта Фоглер не ездила на машине в Бремен. Она предпочитала добираться туда на автобусе и чтоб сын забирал ее со станции, а не плутать по центральным улицам на своем микроавтобусе. Гроза и ночная тьма отнюдь не помогали ей ориентироваться, и несмотря на все усилия Альберта Циммера, им не удавалось попасть на улицу, где жил Эрик. В довершение всего, они оказались на какой-то дороге, где произошла небольшая авария с участием автомобиля и мотоцикла, из-за чего движение застопорилось.

— Еще и пробка! Ее нам только не хватало! — возмущенно восклицала Берта, пользуясь этой заминкой, чтобы протереть запотевшие стекла старой тряпкой. — Мы еще далеко, Альберт?

— Не думаю. В любом случае, я сейчас включу на телефоне навигатор. И тогда смогу подсказать вам точный маршрут.

— Да, ты сумеешь... Полностью тебе доверяю, ведь сама я уже заблудилась. Не привыкла и не старалась замечать, что вокруг. По центру меня всегда возит сын, либо я езжу на автобусе... Я не обращала внимания на улицы и ориентируюсь здесь плохо.

— На следующем светофоре, — объявил Альберт, глядя в экран телефона, — нам нужно будет повернуть

направо. Так мы выберемся из пробки и приедем раньше.

— Хорошо.

И глядя, как дождь струится по лобовому стеклу, она спросила вслух:

— Интересно, что сейчас делает Эрик? Наверняка сидит у подъезда или на лестничной клетке с ошалелым выражением лица. Надеюсь, он хотя бы не простудится. Вероятно, он звонил мне, а может, говорил по телефону со своим отцом...

— Или пошел к кому-нибудь из друзей, — предложил свой вариант Альберт.

— Друзей? — повторила она. — Мой внук не очень общительный, что и говорить, ты же видел. У него есть в школе товарищи, но друзей — вот именно друзей, — нет, во всяком случае, я о них не знаю.

— Ну вот, сеть пропала, — возмутился Альберт.

— Ага!.. Вот видишь? Эти штуки в итоге ни на что не годны. Они подводят в самый неподходящий момент, — заключила бабушка Эрика; она имела в виду мобильные телефоны, к которым испытывала особую неприязнь.

Пока Берта Фоглер и Альберт Циммер пытались выбраться из пробки, Эрик отчаянно бежал к входной двери квартиры господина Адлера. Сосед ударом кулака разбил стекло двери на балкон и пытался открыть щеколду, яростно давя на нее. Когда юноша добежал до выхода и зажег светильник, его ожидал неприятный сюрприз. В целях безопасности квартира была заперта на два старых замка и цепочку.

Сделав над собой усилие, чтобы унять волнение, Эрик Фоглер отпер первый замок, тот, что находился повыше. Затем он сосредоточился на цепочке. Пальцы юноши дрожали, но ему наконец удалось сдвинуть звенья вправо. За этот промежуток времени господин Адлер успел пересечь гостиную. Его шаги раздавались громко, все ближе и ближе, все ближе и ближе.

«Последний замок. Давай же!» — подгонял себя Эрик, хватаясь за задвижку. И когда он уже собирался потянуть в сторону металлическую пластину, огромная рука господина Адлера придавила дверь, мешая открыть ее.

— Ну и куда ты собрался? Ты в ловушке! — закричал сосед, наваливаясь всем телом на свою жертву.

На губах убийцы появилась торжествующая улыбка. В руке он держал пропитанный хлороформом платок.

— Выхода нет, Эрик! Никто тебе теперь не поможет, ты один! Ты проиграл. Шах и мат! — заключил господин Адлер, поднимая руку, чтобы обездвижить свою жертву.

Прерывисто дыша, внук Берты нащупал свой ремень и, не проронив ни слова, схватил отвертку, которую под него засунул. Потными руками он сжимал рукоять инструмента. «Давай, времени нет, Эрик! Если ты этого не сделаешь, то умрешь!» — подбадривал он себя. После чего обернулся и изо всех сил вонзил железное лезвие в ногу господина Адлера, протыкая ткани.

Застигнутый врасплох неожиданным поступком молодого человека, убийца завопил от боли и схватился за рукоять инструмента. Отступив немного от своей жертвы, он вытащил из мышцы окровавленную отвертку. Эрик Фоглер с ужасом наблюдал за результатом своих действий.

Убийца закричал и стиснул челюсти. Он бросил отвертку на пол и зажал рукой рану, чтобы остановить кровотечение. Кровь потоком полилась по его брюкам. Юноша воспользовался этим моментом, чтобы вновь заняться последним замком, мешавшим ему сбежать.

Несмотря на панику, ему удалось отодвинуть металлическую задвижку двери — и в то же самое мгновение господин Адлер подошел к нему сзади и с силой прижал к лицу молодого человека пропитанный хлороформом платок. Эрик повернулся и стал сопротивляться, стараясь отодвинуть от себя ткань. Однако хлороформ вскоре подействовал.

Через несколько секунд ноги юноши стали ватными, и он упал на пол.

Белый король втащил тело Эрика вглубь квартиры. Он вошел в одну из ванных комнат и достал аптечку. Мужчина коснулся рукой раненой ноги и закричал от боли. Разорвав брюки вокруг пореза, он несколько раз промокнул его марлей, чтобы остановить кровотечение. Наконец он взял бинт и пластырь, и с их помощью ему удалось обработать рану, проделанную в его ноге отверткой.

Глава 25

В поисках Эрика

Берта Фоглер ожидала встретить внука на лестничной площадке здания. Поэтому она весьма удивилась, не обнаружив его там, похожего на брошенную собаку, сидящего в обнимку со своим чемоданом со страдальческим выражением лица. Где же он в таком случае?

Альберт шел вверх по ступенькам вслед за нею. Им удалось выбраться из пробки, а потом, с помощью навигатора, они без труда разыскали улицу, где жил Эрик. Поднявшись на второй этаж, они прошли мимо двери господина Адлера, не подозревая о том, что творится за нею.

— Это здесь! — воскликнула Берта, указывая на квартиру своего сына Франка.

Когда бабушка собиралась вставить ключ в замок, они оба услышали начало музыкальной композиции, доносившейся из квартиры соседа. Берта Фоглер мгновенно узнала ее. Это было произведение Шуберта, которое играло у нее в Грасберге, «Девушка и смерть». На несколько секунд она замерла, подумав о том, какое тревожное совпадение, что она слышит эту музыку в двух разных местах за такой короткий промежуток времени.

— Помочь вам? — спросил Циммер, видя, что на бабушку словно что-то нашло.

— А? Нет, нет, не нужно, спасибо, Альберт. Я сейчас открою... Видишь? Готово!

Первым признаком того, что что-то не так, была темнота: они нажали на выключатель у входной двери, но света не было. Затем бабушка Эрика неожиданно споткнулась о некий предмет, оставленный в прихожей.

— Это же чемодан моего внука! — сообщила она, ударившись коленкой и ощупав верхнюю часть весьма характерного «Шантеля».

Затем, уже тише, обращаясь к молодому человеку, она произнесла следующие умозаключения:

— Эрик никогда бы не бросил свой чемодан у входа, это ему не свойственно. Уверена, здесь происходит нечто очень странное. Слишком тихо...

— Я думаю то же самое: темнота и тишина — все это очень подозрительно...

— Иди-ка сюда поближе, — попросила бабушка, беря Альберта за руку, — помоги мне включить свет. Наверное, пробки вылетели.

— Хорошо, дайте, я сам попробую, — сказал он, услышав, как Берта Фоглер нервно щелкает на щитке выключателями.

Некоторое время, в точности как это делал до них господин Адлер, они безрезультатно пытались включить электричество на щитке. В итоге они решили впотьмах обойти остальную часть квартиры, начиная с гостиной.

— Осторожно, Альберт! Я почти ничего не вижу, — прошептала Берта, стоя за юношей, пока тот толкал дверь.

То, что они обнаружили в гостиной, всполошило их еще больше: при свете уличных фонарей они разглядели на ковре множество осколков, валяющийся на полу стул, разбитую и открытую балконную дверь. При этом их окружала тревожная тишина, которую нарушал лишь шум воды, бьющей в окна и льющейся по крышам.

— Что здесь случилось? — тихонько спрашивал Альберт, словно читая мысли бабушки Эрика.

Что произошло в доме Фоглера? При свете, проникавшем с улицы, они пересекли гостиную, наступая на стекла, которые крошились у них под ботинками. Сердце Берты бешено колотилось. Что приключилось с ее внуком? Если что-нибудь ужасное, она никогда себе не простит.

Альберт Циммер первым вышел на террасу и там обнаружил свитер Эрика, который господин Адлер бросил на пол в пылу погони. Молодой человек поднял его за рукав под обеспокоенным взглядом бабушки Эрика. У Берты уже не оставалось никаких сомнений. Ее внук в опасности. Лицо ее невольно выражало тревогу, хоть она и пыталась это скрыть.

Альберт с серьезным видом повесил свитер Эрика на спинку одного из стульев на террасе. Не сговариваясь, оба они схватились за перила и выглянули на улицу. Некоторое время они пристально смотрели вниз, опасаясь худшего. Затем они вздохнули с облегчением, убедившись, что тело Эрика не лежит на тротуаре. Но тогда куда же он запропастился?

Они уже собирались возвращаться в квартиру, и тут Берта Фоглер тихонько наклонилась и заглянула на соседний балкон. Через несколько секунд она помахала рукой Альберту Циммеру, чтоб он последовал ее примеру. Молодой человек встал на цыпочки и посмотрел поверх головы бабушки. Они заметили,

что часть стекла в двери господина Адлера разбита. И сама дверь была открыта, но занавески мешали увидеть, что происходит в квартире.

— Надо немедленно вызвать полицию! — решительно воскликнула бабушка Эрика, глядя на Альберта.

Стараясь не нервничать, молодой человек вынул из кармана мобильный, набрал номер и передал телефон Берте. Когда бабушка начала рассказывать о случившемся, женский голос на том конце линии спокойно прервал ее:

— Мы уже отправили туда патрульную машину. Не беспокойтесь, она вот-вот подъедет. Ваш внук звонил нам несколько минут назад.

— Я не понимаю... Моего внука нет дома, а стекло соседского балкона тоже разбито!

— Успокойтесь и ждите приезда офицеров полиции. Они скоро будут, уверяю вас. Прошу вас немного потерпеть до их прибытия, — снова попросила сотрудница.

— Потерпеть! — возмущенно воскликнула Берта, сбрасывая звонок и возвращая телефон хозяину.

Затем она схватилась за перила, пристально посмотрела на Альберта и спросила:

— У тебя хватит смелости перепрыгнуть на ту сторону?

Молодой человек кивнул.

— Ну и у меня тоже! — заявила Берта, перекидывая ногу в горном ботинке через металлические перила.

Глава 26

Наедине с господином Адлером

Берта Фоглер первой вошла в квартиру господина Адлера. Она осторожно приоткрыла занавеску и проскользнула внутрь, лавируя среди мебели гостиной и стараясь не шуметь. Альберт Циммер следовал за ней по пятам чуть позади. Музыка, которую они оба слышали, доносилась из комнаты, расположенной дальше по коридору, а именно — из кабинета господина Адлера. Молодой человек жестом показал Берте, что собирается пробраться туда и попасть в комнату, откуда звучало произведение Шуберта. Бабушка Эрика кивнула в знак согласия.

В доме господина Адлера было темно, если не считать помещения в дальнем конце коридора, которое служило ему кабинетом. Из-под закрытой двери лился слабый свет тусклой лампочки. Пока Альберт шел в кабинет, Берта Фоглер заглянула в соседскую кухню. Не зажигая свет, бабушка Эрика медленно продвигалась среди деревянной мебели, бытовой техники, мимо невысокой стенки с небольшой мраморной поверхностью, выполнявшей роль барной стойки, за которой господин Адлер обычно завтракал.

Тем временем диск «Девушка и смерть» по кругу играл в музыкальном центре. Альберт Циммер продвигался все осторожнее. Теперь всего пара метров отделяла его от двери кабинета белого короля. Он

сделал еще несколько шагов, взялся правой рукой за дверную ручку. Тихонечко, как только мог, повернул ее вправо. И толкнул дверь подушечками пальцев.

В комнате звучали скрипки Шуберта. Дверь была приоткрыта, но, несмотря на это, Альберт Циммер не видел, что находится в кабинете. Поэтому он заглянул внутрь, толкнув посильнее дверь. И остолбенел.

Эрик Фоглер лежал на узком прямоугольном столе с кляпом во рту, со связанными руками и ногами, без сознания, под действием хлороформа. На стене, у которой стоял этот стол, белый король повесил огромную пробковую доску, он ее использовал в последние месяцы. Альберт Циммер бегло взглянул на нее и обнаружил там фотографии убитых молодых людей: Конрада Брауна, Лео Кляйн и Зандры Надель.

Некоторые были вырезками из газетных статей об их смерти или исчезновении, некоторые — из журналов, а множество других сделал сам господин Адлер своим старым фотоаппаратом. На этих цветных снимках, например, Конрад Браун и Зандра Надель в последний раз прощались у выхода из Бременской библиотеки. А на другом Лео Кляйн гуляла с друзьями в парке Бюргер. А на одном из самых больших фото Альберт Циммер шел по улице в центре города. Видя, что убийца и его сфотографировал, молодой человек невольно вскрикнул и повернулся, намереваясь покинуть зловещую комнату. Но он не знал, что белый король караулит его у двери, и при попытке к бегству тут же наткнулся на него.

— Поглядите-ка, какой сюрприз: Альберт Циммер в моем собственном доме! Поверить не могу... Честно говоря, не ожидал увидеть тебя в Бремене. Я потерял

твой след... Понятия не имел, куда ты делся, — признался господин Адлер, не выпуская свою жертву.

Они начали отчаянно бороться. Бременский убийца пытался поднести к лицу Альберта Циммера смоченный хлороформом платок. Но юноша крепким ударом выбил у него из руки ткань: та взлетела в воздух и приземлилась в ногах у Эрика Фоглера, по-прежнему лежавшего без сознания.

Несмотря на дородность господина Адлера, молодой человек, заметив его рану, вывернулся из державших его рук и изо всех сил пнул убийцу по ноге. Белый король завопил от боли и на некоторое время отстранился от Альберта Циммера. Из-под повязки снова выступила кровь. Альберт замер, разглядывая ее, и господин Адлер воспользовался его неосторожностью, чтобы загородить дверь. При таком раскладе выбежать из комнаты стало невозможно.

Толком не зная, что делать, Циммер отступил в центр комнаты. Он пытался двигаться то в одну, то в другую сторону, чтобы обойти белого короля и сбежать. Но убийца не повелся на его уловки и набросился на него. Они с грохотом повалились на пол.

Изо рта Эрика Фоглера вытекала прозрачной струйкой слюна; он находился в полнейшем неведении касательно того, что творится в комнате.

Альберт Циммер и белый король покатились по полу кабинета. Господин Адлер держал свою нежданную жертву за запястья и пытался обездвижить. В какой-то момент он придавил молодого человека к полу весом своего тела. После чего господин Адлер ударил его кулаком в лицо, тем самым оглушив юношу на несколько мгновений. Воспользовавшись своим преимуществом, он схватил со стола нож,

приготовленный для Эрика. Белый король коварно улыбался, глядя на свою последнюю жертву. Альберт Циммер только что открыл глаза и смотрел на орудие, которое держал в руке господин Адлер.

В тот самый миг, когда нож стал приближаться к его груди, Альберт двумя руками схватил убийцу за запястье, пытаясь остановить его. Несколько секунд он изо всех сил боролся, стараясь отодвинуть от себя нож. У господина Адлера был холодный взгляд, казалось, он наслаждается моментом.

Когда острие ножа располагалось всего в нескольких сантиметрах от груди юноши, в комнату тихонько вошла Берта Фоглер. Бабушка Эрика подобралась к белому королю сзади и без малейших колебаний наотмашь ударила его по голове сковородкой.

Бременский убийца без чувств рухнул на пол, частично накрыв собой Альберта Циммера. Тот поспешил сбросить его с себя.

— Ты хорошо себя чувствуешь? — спросила бабушка, помогая юноше подняться.

— Да, да... со мной все в порядке.

— Эрик, Эрик! — закричала Берта, перешагивая через тело убийцы и направляясь к внуку. — Эрик, Эрик! Ты меня слышишь? — звала она, обхватив голову внука руками и вынимая кляп у него изо рта.

— Убийца, наверное, усыпил его хлороформом, как он пытался проделать это со мной, когда поймал, — предположил Альберт, глядя на Берту Фоглер. — Нам нужно его связать, — предложил он затем, имея в виду господина Адлера. — Полиция еще не приехала, рисковать нельзя.

— Хорошая мысль, — ответила бабушка Эрика, снимая веревки, которыми были стянуты запястья ее

внука. — Можешь этими воспользоваться. Свяжи его как можно крепче.

Берта Фоглер сняла веревки с ног Эрика и передала их Альберту, чтобы тот закончил обезвреживать господина Адлера. Тем временем диск Шуберта продолжал играть в музыкальном центре.

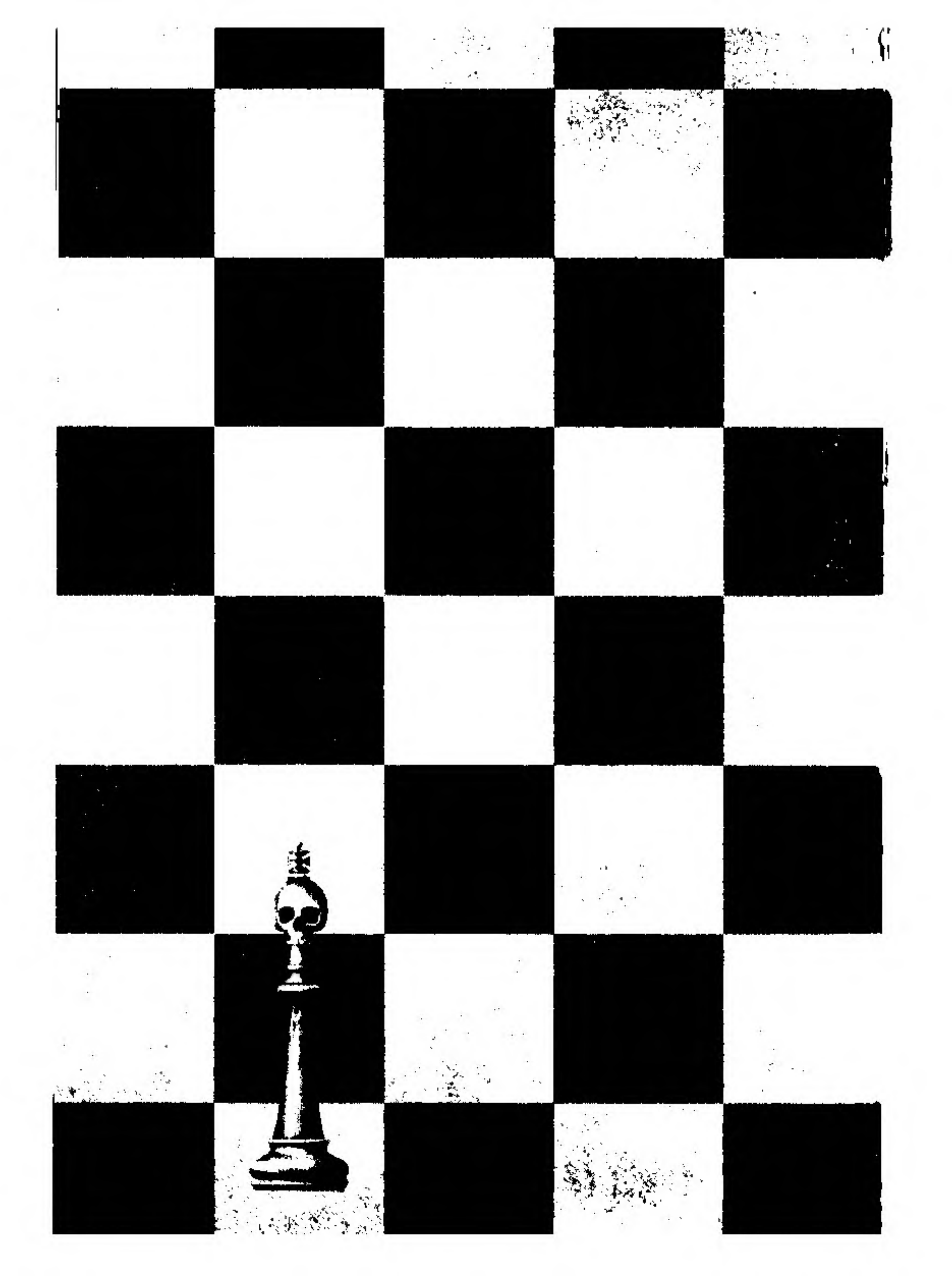
— Эрик, Эрик, просыпайся! Просыпайся скорее! — закричала бабушка, теребя его за шелковую рубашку.

Она делала это так порывисто, что клочок ткани остался у нее в руке, а внук снова упал на стол с глухим стуком.

— Вероятно, он не сразу очнется, — предположил Альберт Циммер.

— Эрик, это я, твоя бабушка! — не унималась Берта, на сей раз приподнимая веки юноши и хлопая его по щекам ладонью.

Получив штук пять оплеух, молодой человек приоткрыл глаза и пробормотал нечто нечленораздельное. Несмотря на действие хлороформа, он разглядел растрепанные белые волосы бабушки, падавшие ему на грудь. А рядом стоял и улыбался Альберт Циммер, показывая белые, острые и слишком длинные клыки, которых всегда стеснялся.

Глава 27

Возвращение домой

Франк Фоглер прилетел в Бремен в субботу вечером, как и предполагалось. Он сел в такси и доехал до дома. Расплачиваясь с водителем, он заметил перед зданием две полицейские машины. В этот самый момент по лестнице спускался офицер. Отец Эрика вышел из такси и с тревогой обратился к полицейскому.

— Добрый вечер, я здесь живу, — пояснил он, указывая на окна своей квартиры. — Что-то случилось, офицер?

Мужчина, удивленный вопросом, остановился на последней ступеньке и ответил:

— А вы что, новости не слушали? В новостных программах со вчерашней ночи муссируется эта тема. По всем телевизионным каналам и по радио тоже.

— К сожалению, понятия не имею, о чем вы, — сказал Франк Фоглер. — Я только что прилетел из Нью-Йорка. Приехал прямо из аэропорта и ничего не знаю... Что произошло?

— Вчера мы задержали предполагаемого убийцу Зандры Надель и других молодых людей, пропавших в Бремене: Лео Кляйн и Конрада Брауна, — спокойно объяснил полицейский.

— Простите, но я по-прежнему не понимаю, каким образом это связано с домом, где я живу.

— В совершении этих преступлений подозревается ваш сосед, Герман Адлер, — все так же бесстрастно ответил офицер.

Потом он заглянул в маленький блокнот, который держал в правой руке, и спросил:

— Вы Франк Фоглер?

— Да.

— Двое полицейских ждут вас дома вместе с вашей матерью и сыном Эриком.

— С моей матерью и сыном? — воскликнул Франк Фоглер. — Этого не может быть, они не должны тут находиться. Они ждут меня в Грасберге... С ними все в порядке? — серьезно поинтересовался он.

— Не беспокойтесь, господин Фоглер, они оба прекрасно себя чувствуют. Но лучше пройдите в дом, там вам все разъяснят, — посоветовал полицейский, закрывая блокнот и спускаясь со ступеньки на тротуар. — Мои коллеги вас ждут, они подробно проинформируют вас о случившемся. Доброй ночи.

— Доброй... ночи, — выдавил из себя Франк Фоглер, пытаясь переварить невероятную новость, которую ему только что сообщил офицер.

Открыв дверь своей квартиры, отец Эрика обнаружил на диване и в креслах гостиной двух офицеров и Берту Фоглер.

— Где Эрик? — спросил он, увидев мать.

— Он спит в своей комнате. Ему необходим отдых, — ответил полицейский постарше.

— Я хочу знать, что здесь произошло! — потребовал Франк, глядя на Берту Фоглер. — Что вы делаете в Бремене? — спросил он, имея в виду мать и сына. — Вы должны были до утра оставаться в Грасберге!.. Разве мы не договорились, что я приеду за Эриком?

— Успокойтесь, — перебил его второй офицер. — Мы вам объясним, что случилось. Но вам лучше сесть...

Пока Франк Фоглер, выпучив глаза, слушал отчет полицейских, сопровождаемый замечаниями Берты, его сын спал под пуховым одеялом, которого ему так не хватало в Грасберге. Ему дали успокоительное, чтобы он мог заснуть. Весь день Эрик отвечал на вопросы полиции, ему пришлось подробно рассказать о том, что произошло накануне в его квартире и в квартире господина Адлера до того момента, как он потерял сознание под действием хлороформа.

Но он так и не открыл полицейским, каким образом выяснил, что его сосед убил молодых людей в Бремене. Молодой человек также не собирался признаваться ни им, ни отцу, ни бабушке, что во время каникул в Грасберге к нему приходил призрак Зандры Надель. Все подумают, что он бредит. Кто ему поверит? Альберту Циммеру и Берте Фоглер тоже пришлось дать показания, они сообщили полиции о том, что обнаружили в доме Эрика, когда отправились его искать, и как они вели себя потом, когда проникли в квартиру белого короля.

Через неделю после задержания соседа Эрик Фоглер позвонил в дверь Урсулы Ромер. Внук Берты был в черной одежде, с уложенными гелем волосами, в новых ботинках, кожаных «Дзафирелли», которые заменили его развалившиеся «Ломбартини». У соседки он узнал, что в тот день должны были состояться похороны Зандры Надель, и решил на них пойти.

По окончании церемонии в церкви он столкнулся с Альбертом Циммером. Юноша ждал его у выхода,

чтобы поприветствовать и узнать, как Эрик себя чувствует.

— Привет, Фоглер. Не ожидал увидеть тебя здесь. Ты знал Зандру?

— Видел пару раз... — расплывчато ответил Эрик, ослабляя узел галстука. — А ты что делаешь в Бремене? — поинтересовался он, чтобы сменить тему.

— Мы с родителями уже вернулись в город. Я снова хожу в школу и в шахматный клуб. Если хочешь, можем сыграть еще партию, но только без твоей бабушки, — предложил он.

Не давая согласия на реванш, Эрик Фоглер, тем не менее, выдавил из себя улыбку. Он подумал: какой неутомимый этот Альберт Циммер и какой он все-таки странный и загадочный молодой человек. На прощание он даже не стал пожимать Альберту руку, ледяную и голубоватую. Он также старался избегать неуютного взгляда своего бывшего соседа. После этой встречи Эрик пошел разыскивать старую Урсулу Ромер. Она как раз присоединилась к группе одетых в строгий траур приятельниц, ожидавших ее у входа в церковь; Эрик коротко поздоровался с ней. Наконец внук Берты застегнул верхнюю пуговицу пальто, обернул вокруг шеи кашемировый платок, вышел из храма и двинулся обратно домой.

Эрик Фоглер больше не встречался с призраком Зандры Надель ни в Бремене, ни в свой следующий приезд в Грасберг, случившийся в скором времени. Он попросил бабушку, чтобы в эти выходные она отвела ему другую комнату, не ту, где он жил в прошлый раз. Еще он потребовал, чтоб отец спал рядом. Но, несмотря на то, что Франк Фоглер находился здесь же, в спальне, Эрик большую часть ночи краем глаза

поглядывал в окно балкона. Заснуть ему удалось лишь в пятом часу.

Герман Адлер, в свою очередь, был заключен под стражу в ожидании суда по обвинению в убийстве Конрада Брауна, Лео Кляйн и Зандры Надель, в похищении Эрика Фоглера и в покушении на убийство Альберта Циммера. Сидя в бременской тюрьме, белый король все время спрашивал себя, как стихи Гёте попали в карман пальто соседского мальчика и почему сын Франка Фоглера заподозрил его в тот вечер. В конце концов, ведь он всего лишь приготовил юноше отвар из ромашки и поставил пластинку Шуберта.

Для Эрика Фоглера – перфекциониста, которого бросает в холодный пот от малейших нарушений планов, – эти пасхальные каникулы не могли начаться хуже. Новость о том, что поездка в Нью-Йорк отменяется и всю неделю придется провести с бабушкой, стала для него настоящим кошмаром. Но даже в самых страшных кошмарах Эрику не могло присниться, что он впутается в расследование серии убийств, от которых дрожит вся Германия!

У странного, до смешного боязливого, но при этом очень обаятельного и интеллигентного юноши выдался непростой год. Он раз за разом попадает в центр преступлений и поневоле расследует их.

ЧЕРНЫЙ ДЕТЕКТИВ С ЭЛЕМЕНТАМИ МИСТИКИ.
С ПЕРВЫХ СТРАНИЦ ЗАТЯГИВАЕТ В СПИРАЛЬ НАПРЯЖЕНИЯ.

